

БЛОК В АНГЛИЙСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Обзор Аврил П а й м а н *

В Великобритании интерес к творчеству Блока возник наряду с возрастающим вниманием к судьбам России. В этом смысле несколько прагматический подход англичан с самого начала резко отличается от подхода немцев, воспринимавших Блока как поэта, родственного по духу своим же романтикам, едва ли не до появления в печати его первого сборника «Стихи о Прекрасной Даме»¹.

Англичане же, несмотря на то что авторы и художники «декадентского» журнала «Желтая книга» («The Yellow Book») усиленно пропагандировались на страницах «Мир искусства» и «Весов», несмотря на интерес русских символистов к Рёскину и прерафаэлитам, несмотря в конце концов на то, что в лице Уильяма Батлера Йэтса Великобритания могла гордиться одним из крупнейших представителей европейского символизма, не чувствовали и не признавали своего кровного родства с европейскими школами, да и недолго любили самое понятие поэтических «школ». Ярким примером такой устойчивости может послужить великолепно изданный «Оксфордский собеседник по английской литературе» («The Oxford Companion to English Literature») за 1978 г. (4-е, исправл. изд.). Там можно найти следующее, очевидно, по мнению составителей, исчерпывающее определение «символизма»: «Движение во французской поэзии, которое началось приблизительно с 1880 г., когда стали известными стихи Маллармэ и Верлена, достигло своего апогея примерно в 1890 г. Символистская поэзия ставила себе целью скорее создание настроения, чем описание, и предметами ее внимания были впечатления, индивидуальные прозрения, чувства.

Символизм в России является ведущим литературным направлением с 1894 г., приблизительно, до 1910 г. Принято искать его источники у французов, но он также уходит корнями в чисто русскую почву, в частности к трудам философа Владимира Соловьева. Выдающимися русскими символистами были В. Брюсов, А. Блок, А. Белый, К. Бальмонт, В. Иванов»².

Об англоязычной литературе — ни слова. Можно заключить, что она символизма и не знала вовсе.

Поэтому неудивительно, что первые упоминания о Блоке в английской печати имеют скорее культурно-исторический, чем литературный характер. В годы, непосредственно предшествовавшие первой мировой войне, когда газета «Таймс» поставила задачу отучить читателя от преклонения перед немецкой культурой и заразить образованную Англию интересом к нераскрытому потенциалу России (культурному, экономическому и военному), о Блоке говорилось не как о поэте-символисте, но как об «одном из тех новых русских,

* *От автора.* Этот обзор не претендует на исчерпывающую полноту. Его задача — указать на основные линии развития и дать характеристику некоторых главных работ. За ценные библиографические указания приношу благодарность Джулиану Граффи, в начале этой работы щедро открывшему мне доступ к своей образцовой картотеке по Блоку. С неизменной готовностью помогали мне на последней стадии работы сотрудники Университетской библиотеки Дургэмского университета и Артс Коунсил Поэтри Лайбрэри.

ALEXANDER BLOK

The Spirit of Music

Lindsay Drummond Limited
London 1946

INTELLIGENTSIA AND REVOLUTION

"RUSSIA is perishing." "Russia does not exist any more." "eternal memory to Russia!"—this is what I am hearing from every side.

But before me is Russia; that Russia which our great writers saw in their disturbing, prophetic dreams; that Petersburg which witnessed Dostoyevsky; that Russia which Gogol called a fleeing *troika*.

Russia is—a tempest. Democracy is coming, "girdled by the tempest."

It is Russia's destiny to survive the torments, humiliations, and divisions; she will arise out of these humiliations—new and great.

In the torrent of thoughts and forebodings which came over me ten years ago, was a mixed feeling about Russia: distress, horror, repentance, hope. Then it was that the Tsarist power, for the last time, got what it wanted. Witte and Durnovo twisted the revolution with a string; Stolpin wound the string tightly round his nervous, noble fingers; but his fingers grew feeble. When this last nobleman was no more, the power—according to the expression of one very dignified personage—went over to

D

7

БЛОК. ДУША МУЗЫКИ. СБОРНИК СТАТЕЙ

Лондон, 1946

Титульный лист и первая страница статьи «Интеллигенция и революция» с иллюстрацией Д. Нечшен

которые... ведут интеллигенцию обратно к истинно национальному: к чернозему, к избе, к крестьянину, к простой, свежей мистической душе неиспорченного славянина»³. Последнее время, конечно, много пишут об отношении Блока к сектантам и крестьянству, к Клюеву, Есенину, Брихничеву, «Земле» и «Новому вину». Тем не менее не без удивления читаем в «Литературном приложении» к газете «Таймс» такую «славянофильскую» характеристику утонченного петербуржца Александра Блока. Заметку писал корреспондент Стивен Грэхем, который в то же время за собственной подписью опубликовал серию отчетов не в «Приложении», а в самой газете «Таймс» о своих поездках по России, о театре, о возвращении из ссылки Максима Горького в 1913 г и т. д. В «Литературном приложении», которое по традиции никогда не обнаруживало фамилий сотрудников, тот же Грэхем поместил ряд статей о русской литературе. «Англия,— писал он в апреле 1914 г.,— стоит спиной к Америке и к материализму и обращает глаза и сердце в сторону России и всего того, что от Духа... Переводы прекрасной русской новейшей литературы принесут ей такое же удовольствие, какое доставляет почтальон, принеся письма от новых друзей. Переводчик для нас — тот же почтальон. Скоро для Англии настанет время получения писем»⁴.

Грэхема, да и газету «Таймс» накануне первой мировой войны очень интересовало, видимо, стихотворение Блока «Новая Америка». Ходит упорный слух, что это стихотворение перешло в «Таймс» со страниц журнала «Горнозаводское дело»⁵, но мне не удалось его обнаружить ни в «Таймсе», ни в «Литературном приложении», ни в специфическом «Русском приложении», выходявшем довольно нерегулярно сначала на русском языке, потом на английском — с 1911 г. вплоть до Февральской революции⁶.

Так получилось, насколько мне известно, что в Англии, кроме двух случайных переводов, попавших в один из первых сборников русской поэзии, вышедших тоже случайно в 1917 г.⁷, всерьез начали переводить Блока с конца, а не с начала его творческого пути. Начали с «Двенадцати» и со «Скифов». С. Бехофер, первый переводчик «Двенадцати», издал свою работу в 1920 г. со своим предисловием и с иллюстрациями Михаила Ларионова⁸.

Перевод оказался настолько беспомощным, что вполне понятна реакция одного из критиков, который, превознося иллюстрации, нашел поэму скорее «бледной» и конец ее «приторно-сентиментальным»⁹.

Второй перевод «Двенадцати» — Б. Дейча и А. Ярмолинского — был опубликован в 1923 г. Выполненный более профессионально, хотя все еще далекий от оригинала и от приемлемого уровня английской поэтики, этот перевод неоднократно переиздавался¹⁰.

Союз Англии с Россией в первую мировую войну был ознаменован вспышкой интереса к русской культуре в англоязычных странах. Этот интерес, частично поддержанный сверху, частично стихийно возникший благодаря личным контактам, привел к небывалому росту изучения русского языка и культуры в высших учебных заведениях. Он поддерживался также промышленными и торговыми кругами в надежде на реальные возможности торговли и на промышленные концессии. В этом благоприятном климате все чаще начали доходить «письма из России» в виде переводов. Возросло число «почтальонов», продолжавших свою деятельность также в эпоху революционных событий, потрясших и Россию и мир после февраля 1917 г. На всем протяжении 20-х годов число переводчиков пополнилось русскими эмигрантами самого широкого спектра. Ариадна Тыркова-Вильямс и ее муж, англичанин Гарольд Вильямс оба писали мемуары о петербургской литературной среде; князь Дмитрий Святополк-Мирский, впоследствии убежденный марксист, написал ряд статей, прекрасную историю русской литературы, к которой еще вернемся, и выступил составителем и редактором отличной подборки стихотворений Блока для антологии русской поэзии, вышедшей в 1929 г. в переводе Коксвела¹¹. Переведенные стихи Блока превосходно отражают развитие его поэзии и являются первой действительно представительной подборкой стихов поэта на английском языке. К сожалению, однако, язык переводчика несколько деревянный и пестрит архаизмами. Он оказался не в силах убедить читателя, что Александр Блок — великий поэт.

Из среды эмигрантов Мирский был наиболее деятельным в деле ознакомления англичан с русской культурой, но были и другие люди русского происхождения, русской культуры, игравшие более скромную, связующую роль между английскими поэтами и русской поэзией. Можно назвать уже упомянутых Дейча и Ярмолинского¹², Г. Риви с Марком Слонимом¹³ и прежде всего Эстер Поляновскую-Саламан, которая в сотрудничестве с прекрасным английским поэтом Френсис Корнфорд обогатила нас едва ли не первыми высокопоэтическими и сохраняющими близость к оригиналу переводами Блока¹⁴. Правда, перевели они немногие. Корнфорд, очевидно, подбирала те стихи, которые наиболее созвучны ее лирическому, музыкальному, иногда, как у Блока, почти песенному дару.

In the cathedral choir a girl stood singing
Of all the weary on an alien shore,
Of all ships gone to sea, and of all people
Who can remember happiness no more.

Her voice went soaring in the cupola,
And, listening in the darkness, everyone
Saw how the sunlight touched her on the shoulder,
And how her white dress sang in a shaft of sun.

(«Девушка пела в церковном хоре»)

Английские слова, послушные поэту, как будто сами складываются в звучные естественные словосочетания, отражающие образы оригинала.

SON AND MOTHER

I planted my bright Paradise
And hid it with a paling tall;
Through azure air for her dear son
I heard my mother cry and call:

Dear son, where are you? No reply,
The light above my palisade
Is slowly turning richly ripe
The secret vineyard I have made.

With care my mother treads around
My fenced and fruitful orchard bowers
And calls again: 'Where are you, son?'
So careful not to crush the flowers.

And all is quiet. Does she know
A hidden heart grows ripe and wise,
And he is done with other joys
Who tastes the wine of Paradise?

(«Сын и мать») ¹⁵

Другой перевод Блока, предпринятый шотландским поэтом Хью Макдиармидом в 20-е годы, совсем иного характера. Во-первых, это не перевод, а переложение поэтического замысла Блока, вплетенное в поэму «Пьяный смотрит на чертополох» ¹⁶. Но поскольку вплетены целые стихотворения, а не цитаты и не реминисценции, то можно говорить об этих странных, но и завораживающих опытах как о переводах. Во-вторых, Макдиармид «переводит» Блока так же свободно, как Лермонтов «переводил» Гёте. Там, где у Гёте прохладный немецкий лес, у Лермонтова — кавказская горная долина, пыльная дорога... Там, где у Блока совершенно плоский пейзаж с озером и дачами, у Макдиармида — цветущие шотландские холмы. Где блоковский герой пьет красное вино, герой Макдиармида глушит виски. Менее космически-мистично более субъективно, но в то же время свободно, легко и убедительно освоена основная тема обоих переведенных стихотворений («Незнакомка» и «Предчувствую Тебя»), тема лжевоплощения идеала в образе прекрасной женщины, которая у шотландского поэта именуется «странной богиней, вырванной из глубины моего сердца» («The strange goddess frae my hert's hert torn»).

Третья особенность переводов Макдиармида заключается в том, что они написаны на диалекте. Это дало переводчику одно неопределимое преимущество перед его английскими соперниками, ибо приблизило его к фольклорному началу, подспудно присутствующему у Блока даже тогда, когда он кажется изощренно-декадентским и городским поэтом.

Это преимущество весьма ощутимо в переводе соотечественника Макдиармида, шотландца Сиднея Гаффри Смита поэмы «Двенадцать» («The Twal») ¹⁷. Здесь неожиданно убедительно переданы отзвуки народных песен, романсов и былин, соответствия которым почерпнуты из шотландской устной традиции:

Ay, we shall fire a michtie gleid
And wae for the bourgeoisie around us!
Throu aa the world a gleid o bluid—
Wi the blessing o' the Lord upon us!

Так, «Мы на горе всем буржуям» звучит по-шотландски, напоминая старинный «крант» (походная песнь), пропетый вполголоса пограничными «войсками», отправляющимися угонять английский скот или отплатить за нанесенную соседями обиду. Даже французское слово «bourgeoisie», как и латинский «nimbus», в конце поэмы принимается вполне закономерно как в соответствии с традиционной практикой шотландской поэзии, так и по аналогии со сложной языковой тканью русского оригинала, где высокое соседствует с низким и национально-старинное с интернациональным языком русской революции.

Если грозные призывы «Двенадцати», столь чуждые современному английскому языку, переводчик очень удачно выразил на диалекте, то для финала поэмы он также сумел найти своеобразную убедительность, хотя имя Jesus (а не «Иисус Христос») переносит идущего впереди «кого-то

громадного с кровавым флагом» из области космически-метафизической в область историческую. Может быть, в данном контексте такой сдвиг отчасти закономерен, ибо больше соответствует народному религиозному сознанию, которое в какой-то мере и порождает образ:

And sae they mairch with sovereign tread...
 At their heels the stairvan tyke...
 The bluid-reid standart at their heid...
 And, skaithless frae their bullets' licht,
 Seen by nane i' the snawblind nicht,
 Throu the storm wi lichtlie pace,
 Aa besprent wi pearls o ice,
 His croun a white nimbus o roses,
 Aye at their heid there mairches — Jesus.

Надо, однако, признать, что перевод на диалект, сколь удачными ни оказались бы отдельные попытки, остается все же литературным курьезом и не в состоянии широко содействовать освоению наследия такого выдающегося представителя русского и всевропейского романтизма и символизма, каким был Александр Блок.

Во вторую четверть XX в. к этой задаче начали подходить более вдумчиво. Ряд переводчиков постепенно создали довольно значительный корпус произведений Блока в добросовестных, грамотных, хотя и редко скольконибудь адекватных оригиналу переводах. Разрозненные переводы таких мастеров, как Морис Баура, Оливер Элтон, А. Л. Башам и В. де С. Пинто, начали появляться то здесь, то там, а чаще всего на страницах «Славоник и Ист Юропиан Ревью»¹⁸. О. Элтон объединил свои переводы в книгу «Стихи из Пушкина и других» в 1935 г.¹⁹, а Баура собрал некоторые уже существующие переводы и дополнил своими собственными в двух сборниках («Книга русской поэзии» (1943 г.) и «Вторая книга русской поэзии» (1947 г.), которые неоднократно были переизданы на волне вновь возникшего интереса к русской культуре как к культуре союзника в страшный момент нашей истории²⁰.

Эти две антологии, составленные известным ученым и знатоком европейской поэзии, долго оставались наиболее значительными источниками для знакомства с поэзией Блока на английском языке. В них можно найти переводы, до сих пор непревзойденные, хотя в целом, конечно, трудно спорить с теми критиками-поэтами, которые, как, например, Д. Григсон, жалуются на традиционность техники и языка, свойственную едва ли не всем стихотворным переводам Блока: «...Перевод, как правило, очень плох,— пишет Григсон.— Издатели и ученые упорно отказываются поверить одной простой истине: поэзия поддается переводу—если она вообще переводима,—только когда переводчиками становятся поэты, и притом, добавил бы я,—хорошие поэты... Какие бы переводы поэзии Блока я ни читал... я не находил в них ни новизны, ни оригинальности: все это кажется словесным старьем»²¹.

Здесь мы впервые сталкиваемся с проблемой, которая не раз еще возникнет в этом обзоре: проблема перевода не только с одного языка на другой, но и с одного времени на другое. Для современного читателя переводы 30-х и 40-х годов действительно часто воспринимаются как чрезмерно традиционные, ибо не насыщены тем побеждающим временем и литературную условность напряжением, которое зовется гением. Возникают все новые и новые попытки перевести Блока так, чтобы приблизить его поэзию к современному читателю, чтобы задеть за живое. Видимо, поэтому переводы Бауры, Элтона и т. д. не переиздаются. Тем не менее они до сих пор не утратили своего значения как грамотные, профессиональные английские «версии» поэтических произведений Блока, в целом близкие к оригиналу и по смыслу и по форме.

Этого нельзя сказать о переводе «Двенадцати» Хауарда Фальшау, который напечатан в другой антологии 40-х годов, составленной Бернардом Гилбертом Гернеем и изданной в Нью-Йорке²². У Фальшау особенно страдает «конкрет-

ная музыка», звукопись Блока. «Трах-тарарах» переводится «bangety-bang-bang», и барыня в каракуле падает «wham!» как в детских «комиксах». Элементарно непрофессионально решена задача перевода собственных имен: в одних английских переводах фигурируют Джонни, Пит и Кейт, в других — Ванька, Петька и Катька. В последнем случае главный женский персонаж именуется и Катькой и Китти. Среди бесчисленных нелепостей, встречающихся в переводах, есть одна, серьезно искажающая смысл первой части поэмы. Там, где у Блока среди разрозненных реплик, доносимых ветром, впервые звучит тревожный вопрос, на который дан ответ лишь в последней строке поэмы: «Что впереди?» — переводчик вздумал расставить кавычки по-своему. Получается следующий бойкий диалог. Бродяга, сутулясь, просит хлеба у проститутки, которые ему недоверчиво отвечают:

«What comes after that, hey?
Git! On your way!»

«А что же после этого, ну?
Пошел! Проходи!»

На той же волне интереса к союзной державе были изданы еще две антологии русской поэзии, обе издательством «Джордж, Аллен и Унвин»: «Русский горизонт.— Антология» Н. Кангули, с предисловием Г. Уэллса (сюда вошло сравнительно мало стихов Блока)²³ и книга Г. Шелли²⁴ — очередная попытка перевести «Двенадцать» и стихотворение «Я пригвожден к трактирной стойке».

В течение этих же лет был заложен фундамент для переводов прозы Блока, и здесь ему больше повезло. Во-первых, в прозе переводчики редко позволяют себе такие вольности, как в поэзии. Во-вторых, за прозу взялись известные литераторы и переводы были опубликованы в журналах, читаемых не одними славистами. Действительно, переводы эти отличались высоким качеством, но были немногочисленны²⁵. В 1931 г., например, философ Исая Берлин увлекся статьей Блока «Крушение гуманизма», перевел ее и поместил свой перевод в журнале «Oxford Outlook»²⁶. Во время второй мировой войны вышел отличный сборник прозы Блока под названием «Дух Музыки», о котором тридцать лет спустя с благодарностью вспоминал английский поэт Джон Пиллинг²⁷. К сожалению, эта сравнительно тонкая книга так и осталась единственным отдельным изданием блоковской прозы²⁸. После нее были напечатаны лишь разрозненные переводы, так сказать, от случая к случаю. Статья «О назначении поэта» была переведена вторично в 50-е годы Алексом Миллером²⁹. Но в целом публицистика Блока очень слабо представлена, даже в специальных сборниках о символизме в американском издательстве Ардуса³⁰.

Пробелы в переводах прозы Блока в какой-то мере были восполнены некоторыми переводами, изданными в Советском Союзе, но тоже разрозненно и, что хуже, часто в сокращенном виде³¹.

Возможно, что были и другие переводы блоковской прозы в небольших журналах и сборниках, но до сих пор нет ничего, что могло бы сравниться с двухтомником блоковской прозы на французском языке. Тем не менее нельзя сказать, чтобы английские почитатели Блока совсем не знали его статей, дневников и писем. Они известны (или хотя бы полуизвестны) по длинным и многочисленным цитатам в монографиях и специальных статьях о Блоке, как правило — в переводе авторов.

Первая монография так и называется: «Александр Блок, пророк революции, изучение его жизни и творчества, иллюстрированное переводами из его стихотворений и других работ»³². Автор, сэр Сесил Киш, не мог отослать читателя к готовому, общедоступному, сколько-нибудь представительному собранию произведений Блока на английском языке и поэтому решил все перевести сам. Он сделал новый перевод «Двенадцати» (менее удачно, правда,

ART AND REVOLUTION
(Concerning the works of Richard Wagner)

I

IN his vigorous and cruel—as everything vigorous—work entitled "Art and Revolution," Wagner establishes the following truths:

Art is the joy of being oneself, of living and of belonging to society.

Art was like this in the sixth century before Christ, in the State of Athens.

Together with the disintegration of the State, art as a whole also disintegrated, it became separated and individual; it ceased to be a free expression of a free people.

28

THE PEOPLE AND THE
INTELLIGENTSIA

AT the first meeting of the religious-philosophical society (in 1908), Herman Baronov delivered a lecture on "demonism"; the worshipping of the people in Gorki's *Confession*.

Baronov declared: "When the public excitement had quietened down, and the river of public life was again confined within its banks, a lot of filth was found to have been deposited on the banks. This filth was composed of two categories, the 'honest' and the 'dishonest.' To the 'honest' category belong only those who acknowledge themselves as filth, who tormentingly search for the living God. To the 'dishonest' category belongs that part of intellectual society which, directly or indirectly, inclines towards one party or another."

Referring to some quotations from Gorki's *Confession*, Baronov identifies this writer's view of the world with that of the Social Democrats, and in particular with that of Lunatcharsky.

The lecturer reproaches Lunatcharsky and Gorki with worshipping the people, with identifying the religious process with the economic process, with putting the "saddle of religion" on the "cow of science."

34

БЛОК. ДУША МУЗЫКИ. СБОРНИК СТАТЕЙ

Лондон. 1946

Первые страницы статей «Искусство и революция» и «Народ и интеллигенция» с иллюстрациями Д. Нечшен

чем Баура, хотя книга Бауры вышла за 13 лет до книги Киша). Киш впервые перевел пьесу «Балаганчик»; пересказал, с обильными цитатами, статью «О современном состоянии русского символизма» (до сих пор, насколько нам известно, не переведенную). Он поместил в своей монографии большие отрывки из «Возмездия», а также дал в свой перевод множество лирических стихотворений (полностью и в выдержках)³³. Надо сказать, что во всем этом был элемент дилетантизма. Иногда автором делался рифмованный перевод, иногда — нерифмованный, однако почти везде (меньше всего в «Возмездии», где Киш придерживался нерифмованного ямба) ощущается то, что переводчик, не владеет поэтическим языком. Первая строка чаще всего «получается», но затем переводчик, как бы видя, что надо соблюсти размер, найти нужную рифму и передать смысл оригинала, впадает в панику, начинает путаться, хватаясь то за ритм, то за рифму, как утопающий за соломинку, при этом порой без особой нужды удаляясь от смысла, и, что хуже всего, теряет собственное, обычно верное, чувство английского языка. Такие смешанные метафоры, как «Winter's yellow flood the bed encases» (вместо: «В желтом, зимнем, огромном закате/Утонула так пышно кровать»), или такие нелепицы, как «My son, suck on my breast for bread» («На хлеба, на, на грудь, соси»), или пес в «Двенадцати», который «за собой ташит голодную морду» («Drags behind his hungry snout...») встречаются слишком часто, чтобы считаться исключениями. Тем не менее Киш-прозаик не лишен чувства слова и любит Блока. Несмотря на всю беспомощность, это чувствуется в переводах, и, вероятно, поэтому поэтому критика в рецензиях стыдливо замолчала его недостатки.

Два года спустя после выхода в свет монографии Киша появилась вторая книга о Блоке на английском языке: «Александр Блок. Между образом

и идей» Ф. Д. Рива³⁴. Подход Рива, профессионала-переводчика, поэта и литературоведа, скорее аналитический, чем просветительский. Он не рассказывает о Блоке, как это делает Киш, а рассматривает стихи, толкует их. Рив адресует книгу читателю, знающему русский язык. Поэтому он дает как приложение текст «Двенадцати» без перевода. Другие стихи, которые он цитирует полностью или в отрывках, он приводит также по-русски, но с английским нерифмованным переводом, цель которого облегчить чтение для людей, слабо владеющих русским языком. Прозаические же цитаты он дает только по-английски. Задача выполнена уверенной рукой мастера, который знает, чего он хочет, — хотя, как и везде, можно придаться к мелочам. «Мне постыло жить!», например не то, что «I hate to live!» («Я ненавижу жить»), «Nothing is sad» не передает блоковское «Жалкого — нет». Лучшие переводы, однако, звучат насыщенно, сжато и просто, как, например, эти строфы из «Плясок смерти»:

How difficult for a dead man to pretend
To be alive and full of passion among people!
But one must, one must worm one's way ahead into society
Concealing, for one's career, the clanking of the bones...

The living sleep. The dead man rises from the grave,
And goes to his bank, and goes to court, then to the Senate
The whiter the night is, the blacker the malice of the day
And the triumphant pens keep squeaking.

Бывает, правда, что живая интонация — лучшая черта этих переводов — переходит в развязность. «Весна обманет», например, переводится как «Spring will fool you». Иногда Рив-поэт как бы оттесняет Рива-ученого, и получаются намеки на ритм и даже на рифмы. Так, из цикла «О чем поет ветер» Рив переводит строки:

Верь, друг мой, сказкам; я привык
Вникать
В чудесный их язык
И постигать
В обрывках слов
Туманный ход
Иных миров.

Believe fairy-tales, my friend: I am accustomed
To penetrate
Into their marvellous language
And to comprehend
In scraps of words
The foggy march
Of other worlds.

Если прочесть вслух, получается почти стихотворение, что дает повод предполагать, что если бы Рив взялся переводить Блока для читателей, не владеющих русским языком, он применил бы другую технику.

Дмитрий Оболенский, с другой стороны, в своей двуязычной антологии русской поэзии дает прозаические переводы стихов, не разбивая их на строки³⁵. Эта строгая техника позволяет сохранить точность и соотносится со свободно льющейся английской прозой. Несмотря на то что часто теряется энергия стихотворной строфы, переводы Оболенского хорошо читаются даже сами по себе, без оригинала.

Примеру Рива следует американская исследовательница Люси Вогел, переводя строку за строкой и не стараясь соблюдать рифмы³⁶. Ее переводы «Итальянских стихов» и «Молний Искусств» — культурные, чуткие и в целом

удачные, хотя по сравнению с Ривом чуть вялые. Интересно сравнить безукоризненно-точный перевод Вогел «Девушки из Сентиньяно» с более темпераментным, но менее точным переводом Алекса Миллера³⁷:

Вогел:

Here's a young girl, barely in bloom,
 Who still does not lower her eyes, nor blush,
 As I approach she gazes at me
 With her dark impenetrable glance.
 And if I had my way, I'd spend my whole life in Settignano,
 Beside the wind-weathered stone of Septimus Severus.
 I'd look at the rocks, flooded by the sun,
 At the beautiful sunburnt neck and back
 Of an unbeautiful woman beneath the trembling poplars.

Миллер:

That girl there, little more than a child,
 Neither blushes, nor yet casts down her eyes,
 But, as she draws nearer,
 Observes me with a dark, inscrutable stare.
 Had I the fancy for it,
 I'd spend the rest of my days in Settignano;
 I'd sit by the wind-torn stone of Septimus Severus,
 I'd gaze at the sunlight spilling over the cobblestones,
 And at the beautiful neck and shoulders
 Of the not-so-beautiful girl under the trembling poplar trees.

Миллер здесь «соединил» «едва развившуюся девушку» с «некрасивой женщиной», он превратил «камни» в «булыжник» (cobble) и направил девушку навстречу поэту, а не наоборот. Пожалуй, Вогел перевела точнее: «была бы на то моя воля» как: «If I had my way», чем перевел это Миллер: «Had I the fancy for it» («Если бы мне захотелось»). Тем не менее Миллер во многом ближе к Блоку. Он сохранил драматизм встречи: «That girl there...» Поэт как бы указывает на только что увиденное живое существо. «Little more than a child» звучит естественно и более по-мужски, чем «barely in bloom». В последующих трех строках Вогел как бы сообщает: девушка так молода, что она еще не думает краснеть или потуплять глаза. По мере того как поэт приближается, она смотрит на него темным, непостижимым взглядом. Миллер же рассказывает, «как было», подчеркивая контраст тем, что вводит союз «but» (но), и заменяет нейтральный, мимолетный взгляд (glance) пристальным, откровенным взором (stare). Выражение: «Had I the fancy for it», хотя и неточное, прекрасно передает атмосферу праздности и солнечной, ленивой, легкой эротики. Другая неточность тоже работает на Миллера. Блок пишет: «Смотрел бы на камни, залитые солнцем». Так, точно и правильно перевела Вогел. А Миллер? «Смотрел бы на солнце, переливающееся по булыжникам» — и сразу чувствуешь зной и свет. Правда, Вогел сохранила прилагательное «загорелое» и таким образом усилила впечатление солнца повтором (sun-sunburnt), Миллер это слово вовсе упустил, так что здесь переводчики, пожалуй, квиты. В последней строке, однако, слово «un-beautiful» у Вогел придуманное. Переводчица почувствовала, что не надо жертвовать сопоставлением однородных прилагательных «красивая — некрасивая», но не сумела найти такое сопоставление в английском языке: un-beautiful грамматически возможно, но так не говорят. Миллер — на то он и поэт — нашел. В обороте «not-so-beautiful» звучит оценка, которая тут же полуснижается знойно-чувственным образом дрожащих тополей.

Я привела это длинное сравнение не для того, чтобы отдать предпочтение тому или другому переводчику, но чтобы подчеркнуть, какие разные существу-

ют задачи. Миллер сделал «портрет стихотворения, увиденный через темперамент переводчика», а Вогел выполнила культуртрегерскую задачу настолько удачно, что ее последователью по теме, Джеральду Пирогу, не пришлось вновь переводить «Итальянские стихи»³⁸. В своей книге «„Итальянские стихи“ Александра Блока. Конфронтация и Разочарование» (1983) Пирог пишет для специалистов и дает весь цикл на русском языке в начале книги, а в предисловии отсылает к книге Вогел³⁹.

Сергей Хаккел, однако, в своей монографии «Поэт и Революция. „Двенадцать“ Александра Блока», вышедшей в 1975 г., когда уже были опубликованы по меньшей мере 15 переводов поэмы, тем не менее счел нужным предложить еще одну, свою, английскую версию⁴⁰. Это и понятно, «Двенадцать» пока не поддаются переводу. Поэтические переводы все более или менее «вольные», и, как это ни странно, пока нет прозаического перевода по принципу Оболенского или хотя бы хорошего подстрочника. Перевод Хаккеля ближе по смыслу к оригиналу, чем многие попытки его предшественников, но все же думается, что он оказал бы большую услугу своим читателям, если бы дал подстрочник, ибо попытка сохранить поэтическую форму неминуемо влечет вольности.

В написанной мною биографии Блока⁴¹, рассчитанной в первую очередь на английского читателя, не знающего русского языка, я, следуя Кишу, «проиллюстрировала» текст своими переводами. Однако лишь в качестве исключения я приводила тексты стихотворений целиком. Более того, если какое-либо стихотворение не давалось (например, «Незнакомка»), я выбрасывала свой вариант, либо следуя собственному чутью, либо совету английского редактора. В таких случаях перевод заменялся пересказом или же переводом отрывка прозы на ту же тему. В стихотворных переводах я старалась сохранить форму оригинала. В целом эти попытки удовлетворили рецензентов и иногда, к моей глубокой радости, читателей не-специалистов, для которых я, в сущности, и писала, но поэты в большинстве случаев сочли, что лучше было бы дать прозаический перевод или подстрочник⁴². «Двенадцать» я «пересказала», но с тех пор сделала прозаический перевод, который будет издан вместе с русским текстом и комментариями в издательстве «Durham Modern Language Series».

Работая над книгой в 70-е годы, я могла себе позволить переводить фрагментарно, так как к этому времени, в 1970 г., вышла первая книга, целиком посвященная поэзии Блока в английском переводе: «„Двенадцать“ и другие стихотворения»⁴³. Переводчики Джон Столлурти и Питер Франс дают представительный подбор поэзии Блока: шесть стихотворений из первого тома, 13 из второго и 31 из третьего тома. Составители руководствовались принципом дать по возможности полное представление о его творческом развитии. Подбор отличный, и неудивительно, что книга переиздается. Любопытно в контексте обсуждения проблемы «переводчик — время» процитировать предисловие Питера Франса.

«Тогда как Пастернак, Вознесенский и другие поэты прославились на Западе, даже в среде не знающих русского языка, Блок не оценен по заслугам (...). Нужны хорошие поэтические переводы, чтобы читатель, не знающий русского языка, получил сколько-нибудь правильное представление о масштабе Блока как поэта.

Такие переводы, конечно, существуют, но они рассеяны по разным более или менее недоступным журналам. Наша цель — собрать под одной обложкой достаточное количество переводов для того, чтобы английский читатель получил хоть какое-то представление о диапазоне поэзии Блока, о его голосе. Мы пытались следовать примеру других, объединив знания специалиста по русской литературе и языку с работой поэта в надежде таким образом избежать капканов, так часто ожидающих переводчика, не являющегося в равной мере поэтом и лингвистом. Естественно, мы не претендуем на идеальный подход; как все переводчики, мы видим пропасти, которые так часто зияют между стихотворениями Блока и нашими переводами. Тем не менее в старом

конфликте между тем, что раньше именовалось точностью и красотой, мы на стороне красоты; мы старались дать стихотворения, которые могут существовать независимо от оригинала в 1970 г., даже если это иногда вынуждало нас совершать насилие над конструкцией, ритмом и рифмой и даже (хотя не часто) над смыслом оригинала. Мы скорее на стороне Лоуэлла (Лоуэлл считал, что поэт превоссоздает переводимое им стихотворение по своему образу и подобию и имеет на это право.— А. П.), чем на стороне Набокова (Владимир Набоков в своем знаменитом предисловии к «Евгению Онегину» отрицал самую возможность поэтического перевода и был за буквальную точность.— А. П.). Это не значит, что мы с легкостью отклонялись от Блока; наоборот, мы часто между собой конфликтовали, когда русист упрекал поэта в стремлении ломать ритм или вводить новые метафоры или когда поэт предостерегал русиста от тоски по той старомодной риторике, которая слишком часто проникает в английские переводы Блока и других русских поэтов.

При переводе русской поэзии сегодня возникают трудности, которых не существовало для предыдущих поколений. Причина в том, что английская поэзия в большой степени отошла от поэтики и риторики, характерных для Англии до начала века, тогда как даже и сегодня многие русские поэты все еще пишут в традиции XIX столетия. Блок сам в этом смысле был во многом новатором, но тем не менее ряд его стихов звучал бы смехотворно витиевато, если бы мы точно передали тяжелые тонические ударения, отчетливую симметрию, правильность римфы, метрики и частые архаизмы (...). Несмотря на все эти оговорки, мы надеемся, что нам удалось передать и кое-что от знаменитой музыки Блока, которой легко восторгаться, но которая нелегко поддается анализу и которую нельзя отделить от ювелирного использования традиционных стихотворных форм. Если бы мы отказались полностью от них в пользу более свободных форм, используемых в современном стихотворном переводе, это дало бы искаженную картину технического разнообразия и диапазона поэзии Блока, в которой формальная традиционность контрастирует со свободной формой „Болотного попка“, например, или „Двенадцати“»⁴⁴.

Да простит читатель длинную цитату, но, во-первых, она излагает основные современные сомнения и проблемы поэтического перевода вообще и, во-вторых, объясняет некоторую двойственность подхода, которая обнаруживается у переводчиков данного сборника, которая в конечном итоге скорее мешает, чем помогает им.

Как пишет Питер Франс, Блок был поэтом переломного периода. Он писал и традиционно, и новаторски, но риторику и архаизмы он вводил нарочито, ибо тема его поэзии — это тема перелома как в форме, так и в содержании; он постоянно пробует высокие слова старой лексики на фоне современной ему жизни; он ищет новые формы, новые ритмы, и эти поиски составляют также содержание его поэзии; видимо, надо стараться воспроизвести этот контраст, а не мешать новое и старое по своей прихоти для того только, чтобы создать «современное» стихотворение. Блок — не наш современник. Но он был современником Йэтса, Киплинга и других английских поэтов начала века и первой мировой войны, которые в ранний период творчества отнюдь не чурались ни музыки, ни рифмы, ни богатой символики христианской традиции. Ошибочно относить такую поэзию полностью к XIX в.

Несмотря на то, что методика спорная, Франс слишком хорошо чувствует Блока, а Столлуорти слишком тонкий поэт, чтобы у них не было многих удач. Столлуорти явно созвучны ранние стихи Блока; для них он находит чистые, прозрачные краски и подлинный трепет:

You have gone and will not be returning.
And hallowed be Your name!
Spears of the sunset once again burning
dip through the haze their shafts of flame.

(«Ты в поля отошла без возврата...»)

Отлично сделан его «Болотный попик», и у «Незнакомки» Столлуорти звучит своя музыка, даже если это и не музыка Блока.

Each evening, at the appointed moment
(or is this only in a dream?)
a girl's shape in a silken garment
shows dark against the window's steam.

And slowly between the drunkards weaving,
as always unescorted, there
she sits down by the window, leaving
a mist of perfume on the air.

And a breath of ancient legends gathers
about her silk dress as it swings,
about her hat with its mourning feathers,
and her slender hand with its rings.

And rooted there by this curious presence,
I search the shadowy veil once more
and through it see an enchanted distance
beyond an enchanted shore.

В более поздних классических стихотворениях, однако, нарочитая неточность рифм и «подломленная» метрика иногда создают впечатление беспомощности. Например, в стихотворении «К Музе»:

Are you evil or good? You are foreign,
and strange are the stories they tell
of you: muse and bright marvel for some,
but for me a monster from hell.

Первые две строки предполагают и далее анапесты с чередующимися женскими и мужскими рифмами, а вдруг оказывается — ничего подобного. Ощущение, как будтоходишь в лифт, нажимаешь кнопку наверх — и едешь вниз.

В переводе «Двенадцати», как и во всей книге, есть удачные места, особенно в описании стихии: ветер, снег. Удачен и финал поэмы. Трудные для перевода реплики и здесь не удовлетворяют. Действующие лица последовательно англизированы: Пит, Кэйт, Анди, Джонни... Что касается перевода «Скифов», то эти стихи вообще меньше всего можно перевести при отказе от риторики.

Лучше всего «Скифы» удалась Робину Кэмбаллу и Алексу Миллеру. Об этих поэтах и об их переводах я писала более подробно двадцать лет назад⁴⁵ и сейчас, пересмотрев и новые, и старые переводы⁴⁶, придерживаюсь того же мнения. Кэмбалл, поэт и теоретик перевода, отличается среди английских переводчиков принципиальным соблюдением русской ритмики и последовательной попыткой воспроизвести звукозапись оригинала, вплоть до сохранения дактилической рифмы⁴⁷. Вот для сравнения с переводом Столлуорти, например, те же четыре строфы «Незнакомки» Кэмбалла:

And every evening, echoed faithfully
(Or is it no more than a dream?),
A girl's form, clutched in silks, moves gracefully
Across the window, hazed with steam.

She passes slowly, poised and elegant,
Between the drunkards, quite alone,
Then sits down by the window, redolent
With mists and perfumes all her own.

And ancient legends, vague, aethereal,
Pervade her silks' resilient strands;
Her hat plumes, sombre and funereal:
The rings upon her slender hand.

And, rooted by some strange affinity,
I seem to see, beyond her veil,
Enchanted shores, and the infinity
Of some far-off enchanted spell.

Как всякая методика, которой придерживаются бескомпромиссно, увлечение музыкой стиха иногда мешает Кэмбаллу уловить живую интонацию голоса поэта или передать структуру, архитектонику стихотворения, но в «Скифах» — и во многих других переводах — ему удается удивительно верно воссоздать кажущееся неуловимым звучание оригинала. К сожалению, его переводы до сих пор не собраны в книгу и даже не перепечатаны в антологии⁴⁸.

Миллер, опубликовавший свой перевод «Двенадцати» в первом номере поэтического журнала «Стэнд» в 1956 г. и «Скифы» в том же журнале в 1964 г., сейчас работает в Москве. К юбилею Блока в 1981 г. издательство «Прогресс» выпустило в его переводе книгу «Александр Блок. Избранное»⁴⁹. Это самое полное собрание Блока на английском языке: 62 стихотворения из первого тома; 87 из второго тома; 95 из третьего тома, включая «Куликово поле», «Возмездие» (впервые целиком по-английски), «Двенадцать» и «Скифы». Пожалуй, это слишком много. Неудивительно, что порой чувствуется некоторая усталость в выборе слов и рифм. Так, например, нельзя переводить «необычайная» как «unusual» (необычная) в первой строке стихотворения «Русь». Таких ляпсусов немало. Можно объяснить их только притупленностью внимания и недостаточно строгим отбором. Лучшими, за некоторыми исключениями («Новая Америка», например, «Песня Фаины», «Важные мысли» и ряд других), остаются все же те стихотворения, которые Миллер делал не специально для сборника: «Двенадцать», «Скифы», «На поле Куликовом». Не включены в книгу ни «Она пришла с мороза» и «Когда вы стоите на моем пути», изданные в журнале «Стэнд» («Winter», 1956—1957), ни уже упомянутые переводы для «Поэтри ривью», о чем следует особенно пожалеть. Общее впечатление от этой огромной работы сводится, пожалуй, к тому, что переводчику удалось то, что, надо думать, ему самому созвучно в Блоке: любовь к жестокому романсу и к песне вообще, влюбленность, гнев, «разбойный посвист молодого Блока...». Но Блок не всегда был бодр, мажорен, гневен, пьян или влюблен. Он был и таинственен, и минорен, и трагичен и черпал из глубинных источников исторической и духовной памяти. Эти настроения, эти таинственные ноты не всегда даются Миллеру. Но, какие бы ни были недостатки книги, обвинять переводчика в нарочитом искажении блоковского текста, как это недавно сделал критик «Нью-Йорк Таймс»⁵⁰, нет основания. Чистым недоразумением представляется конкретная претензия к Миллеру, будто бы искажившему смысл строки в стихотворении «Пушкинскому Дому». Американский критик придрался к выражению «help us battle through», будто оно противоположно блоковскому «помоги в немой борьбе». В разговорном английском это звучит мольбой о выдержке — «help us to endure», — а рецензент предполагает, будто бы Блок «вербует» Пушкина участвовать в деле революции. Возможно, что причина этого недоразумения — разница между американским английским и английским, но кто из англичан помнит войну, наверняка также помнит ответ усталых женщин, которые, после ночей в бомбоубежищах, отправляясь на работу или добывать питание детям, говорили: «It'll be all right love. I'll battle through». Мне кажется, что больной, усталый Блок имел в виду нечто подобное — «помоги нам держаться (сохранить облик человеческий)». О политической борьбе здесь речи нет, и следует пожалеть о том, что отзвуки такой борьбы проникли в серьезную критическую литературу о серьезной книге.

За последние годы книги Питера Франса, Джона Столлурти и Алекса Миллера, естественно, несколько за-слонили собой появление новых переводов Блока по журналам и антологиям. Тем не менее их было немало⁵¹. Вряд ли стоит утомлять читателя подробным разбором всех этих попыток. Здесь и первые пробы пера студентов, и переводы профессиональных поэтов, и попытки любителей, и переводы, специально сделанные для научных статей. Мне представляется, что их вполне хватило бы на антологию, которая при хорошем редакторе могла бы дать более полное впечатление о Блоке, чем любая книга одного или двух переводчиков. Такая задача, конечно, очень сложна и едва ли осуществима в скором времени.

Притом остается одна, не взятая до сих пор вершина. Из всех переводов «Двенадцати», а я насчитала их 18⁵² (и не исключаю, что есть и другие, которые могли для меня пройти незамеченными), нет такого, который можно было бы выдвинуть как бесспорно «лучший».

Когда в середине 50-х годов вышел перевод Миллера, он считался очень смелым и современным. Одна возмущенная читательница написала в редакцию протест, жалуясь на огрубление Блока⁵³. Ей казалось, что переводчик насытил язык красногвардейцев плебейскими оборотами и вульгаризмами, не свойственными высокой поэзии вообще и стихам Блока в частности. С тех пор, однако, появились два перевода 60-х годов, Ансельма Холло (1961) и Робина Фультона (1968), которые с точки зрения модернизации «Двенадцати» далеко превзошли Миллера. Холло перевел очень свободно — на язык битников. Вот 8-я часть поэмы:

Black nights and dark nights
 Can't get them out of my mind
 Can't help seeing that fire
 Got all the time in the world
 Got a comb in my hand
 Got a seed in my mouth
 Got a knife in my belt

 Got a knife in my belt

 You ever try flying richman
 I'll burn you down
 And I got a dry throat richman
 And I'm going to drink my fill
 From your throat yes
 I got a bad thirst richman
 Because of that girl

 Lord let Thy Servant Pass in Peace

THE DECLINE OF HUMANISM*

Ву Humanism we mean, in the first place, that powerful movement which seized Italy in its grip towards the end of the middle ages and which later swept across the entire continent of Europe. Its slogan was MAN, the free personality, and individualism, therefore, was the dominating and most fundamental characteristic of Humanism.

It was under the shadow of this movement that the spiritual development of Central Europe unfolded from the middle of the fourteenth century until the middle of the eighteenth. In its stream it combined science and the arts, and it made man loyal to the spirit of music. All the great scientific discoveries as well as the individual personalities themselves were imbued with that spirit.

The names of the great Humanists which surge in our memory are accompanied by the sound of music. We know that they all were artistic by nature, though not all of them were artists as such. Each of these great figures appears like a symbol, and each can be symbolically represented in the arts. Under a picture depicting scenes from the Italian Renaissance we should not be surprised to decipher the name of Boccaccio. Nor would it astonish us if a poem, relating the history of the German

*Translated by Leslie Phillips and first published in *Transformation One*.

56

БЛОК. ДУША МУЗЫКИ. СБОРНИК СТАТЕЙ

Лондон, 1946

Первая страница статьи «Крушение гуманизма»
с иллюстрацией Д. Нечшен

Got the blues all night
All night long.

И наконец, заключительные строки поэмы, «подписанные» двумя городами, двумя числами:

XII

Moving on
Walking on
Hungry dog keeps on the spoor
And in front the bloodied flag
And in front of the flag invisible in the snow there's one more man
And he walks in stillness and he melts the snowflakes like a lamp
And he has a wreath on his head white as roses can be
In front of the bloodied flag
Walks Jesus Christ

St. Petersburg, January 8—28, 1918 London, January 5—17, 1961

Это по сути своей совсем новое произведение, новая поэма, действующая на читателя своими ритмами, близкими к ритмам негритянских блюзов. Теперь, однако, в 80-е годы, она уже отошла в прошлое, и не в то прошлое, где Блок и русская революция, а в прошлое битников, хиппи и кратковременной веры во власть необузданных эмоций.

Другой переводчик, Робин Фултон, применяет чисто внешнюю модернизацию: упразднение заглавных букв и некоторых знаков препинания, преимущественно точек. Он тоже переводит крайне свободно и ярко:

I

it's a black end to the day,
white snow and wind,
a man can't keep
his feet, what a wind
on God's whole world

the wind spins tiny
whirlwinds of snow,
under the nimble white
smoke the fast ice
tumbles each passer-
by — poor beggar.

Получается «поток сознания», временами убедительный:

life is hell
life is fun
in a tatty greatcoat
with an Austrian gun,

иногда нет:

and what a nut I am I
killed her in a tantrum.

Такие неологизмы и неожиданные обороты, как «iconising» «maestoso», «that skeery one», искусственно затрудняют понимание. Опять, который раз, переводчик не согласовал вопрос «что впереди» в начале поэмы с концовкой. Там «What's ahead?», а здесь «in front». Он задумался, однако, над inferнальной сущностью пса, превратив его просто в «зверя»: «The starving beast». Вот конец:

the twelve march on maestoso,
 behind, the starving beast,
 in front, with the blood-red flag,
 unseen in the blizzard
 untouched by bullets
 treading the snow with a light step
 pearled and diamonded with ice
 in a white nimbus of roses
 in front, Jesus Christ.

Здесь спотыкаешься о последнюю запятую и проваливаешься в пропасть незаконченности. Возможно, это не так плохо, но опять-таки это не тот вариант, который можно признать лучшим или тем более отменяющим предыдущие.

Переводы Артура Клиффорда и Наташи Темплтон, напечатанные в альманахе издательства Ардиса «Серебряный век русской культуры», не лишены таланта, но едва ли могут серьезно соперничать с работой более опытных переводчиков. Клиффорд и Темплтон как будто недостаточно вникли в поэму, чтобы иметь цельное, свое представление о ней, и оба, каждый по своему вкусу и разумению, «карабкаются» от строки к строке: Клиффорд энергично и с воображением, Темплтон более осторожно, аккуратно и женственно. Примерно на том же уровне перевод Ритчи 1968 г.

Джек Линдсей, верный, многолетний поклонник советской поэзии, издал к юбилею Блока в 1981 г. свой первый перевод «Двенадцати» вместе с переводом «Скифов», давно опубликованным в им же составленной антологии «Русская поэзия (1917—1955)». Это красивое издание с иллюстрациями Ю. П. Анненкова, но в отношении поэтического перевода Блока Линдсей, как большинство его предшественников, не удовлетворяет. Он усугубляет простонародный язык героев поэмы и придает концовке неожиданное сочетание мажорной революционности с лубочностью католической открытки, поместив Христа в ледяной сад:

So on they march with victorious tread.
 The starveling cur trots in the rear.
 Bearing the flag tempestuous red,
 While blizzard blinds the world below,
 Untouched by bullets whistling near,
 Stepping across the storms of snow,
 As snow-veils twist and veer
 In white rose-gardens brightly iced
 Leading the way is Jesus Christ.

Итак, Блоку не повезло на современного ему английского поэта, который сделал бы конгениальный перевод «Двенадцати», и в XXI в. нам, вероятно, предстоит читать все новые и новые варианты его «Двенадцати». Следует помнить слова Блока: «Поэма написана в ту исключительную и всегда короткую пору, когда проносящийся революционный циклон производит бурю во всех морях — природы, жизни и искусства».

Реальная задача, стоящая сейчас перед английскими переводчиками Блока, — вернуться к его прозе. Это задача существенная и осуществимая, и остается пожелать, что вскоре за нее возьмутся⁵⁴.

В своем подходе к творчеству Блока англо-американское литературоведение прошло три этапа. Они не соответствуют точно историческим периодам. Но, поскольку с годами изменилось отношение к наследию Блока, введение хоть какой-то периодизации, несмотря на ее схематичность, является целесообразным.

Первый этап начинается с появления отдельных более или менее случайных упоминаний о Блоке в журнальных статьях о театральной или литературной

жизни Санкт-Петербурга⁵⁵ и продолжается до начала 40-х годов, когда военный союз Великобритании с СССР привел к небывалому росту интереса ко всем аспектам русской жизни и русской культуры. Отношение к Блоку за эти первые годы было отношением к современнику. (Не надо забывать, что, если бы Блок дождался вторжения гитлеровских войск в Россию, ему было бы к этому времени всего шестьдесят лет.) И поэт, так остро и глубоко переживающий ключевой момент истории первой половины XX в., не мог не остаться современным тех, кто его фактически пережил. И так, при жизни поэта и в течение двадцати лет после его смерти отклики на это творчество были все еще взволнованны, восторженны или полемичны. Критики хотели понять, защитить, переспорить. Их заинтересовал прежде всего путь лирического поэта-символиста к принятию Октябрьской революции, путь, не поддающийся поверхностному анализу.

Те англичане, которые до войны были вхожи в литературные круги Петербурга и знали Блока как безупречного джентльмена и утонченного поэта-символиста, были изумлены яростью и силой его поэмы «Двенадцать». Газета «Times Literary Supplement», как рассказывал потом в книге «Лица» Евгений Замятин, к некоторому удивлению автора сразу же назвала его произведение «большевистской поэмой».

По-видимому, эту статью (в числе других) имел в виду Луначарский, говоря в письме к Ленину 11 июля 1921 г. о Блоке как о поэте, «написавшем ряд сочинений, учтенных за границей как явно симпатизирующих Октябрьской революции» («Литературное наследство», т. 80, с. 292. Курсив мой. — А. П.).

Автору газетной статьи потрясающей загадкой казалось появление Христа во главе отряда богохульствующих красногвардейцев. К тому же было известно, что Блок принадлежал к тем немногим интеллигентам, которые сразу после Октябрьской революции заявили о своей готовности поддерживать большевиков.

Таким образом, случилось, что первые статьи о Блоке были прежде всего откликами на злободневные темы, написанными в момент, когда еще бушевали страсти и когда почти не было возможности проверить слухи, поступающие из новорожденной Страны Советов⁵⁶. О «Скифах», прозаический перевод которых был опубликован в «Times Library Supplement», № 922, в 1921 г., писали, что это «попытка оправдать выход России из войны», и, хотя литературная группа «Скифы» определяет Россию как «отдельный континент — ни Европа и ни Азия», в поэме звучат — хоть и по-новому — знакомые мотивы славянофильства⁵⁷.

Первый переводчик Блока на английский язык, С. Е. Бехофер, съездил в Москву осенью 1921 г., после чего не только объявил в газете о смерти Блока «от рака», но и о гибели своего близкого друга Сергея Городецкого, пережившего это сообщение более чем на 40 лет.

Несмотря, однако, на политическую накаленность и на неизбежный недостаток информации, во всем, что появлялось о Блоке в английской печати того времени, чувствуется неподдельное уважение к его личности и искренности. Факт перехода поэта на сторону большевистской власти рассматривался английской прессой как принципиальное решение. Гарольд Уильямс, корреспондент «Таймса» в дореволюционном Петербурге, муж Ариадны Тырковой-Уильямс, которая в 1912 г. привлекла Блока к сотрудничеству в газете «Русская молва», первый задал тон в своей книге «Россия русских», вышедшей в 1914 г., где он описывает Блока как исключительно благородного, правдивого человека и вдохновенного лирика⁵⁸. Он же написал некролог для первого номера первого английского славяноведческого журнала⁵⁹. Моррис Беринг, которому английский читатель во многом обязан знакомством с русской культурой, и в особенности поэзией, был также лично знаком с Блоком и высоко его ценил⁶⁰. О впечатлении, произведенном Блоком на Беринга, рассказывает Ариадна Тыркова-Уильямс в воспоминаниях «Тени минувшего вокруг башни» («Возрождение», кн. X. Париж, с. 78—91).

Отношение к поэту этих немногочисленных серьезных литераторов, занимавшихся русской культурой, определило общий тон прессы. Оно нашло поддержку у Д. Мирского, чьи статьи о Блоке для английских журналов 20-х годов до сих пор дышат вдохновенным пафосом современности. Мирский был настолько потрясен итоговим историческим смыслом «Двенадцати», что даже признался: если бы ему предложили выбрать между этим произведением и всей остальной русской литературой, он не знал бы, как ответить⁶¹. Мирский еще не раз писал о Блоке, уже более сдержанно и академично, в своих отличных книгах по истории русской литературы⁶², благодаря которым русские факультеты университетов англоязычных стран с самого их возникновения располагали первоклассными учебниками, написанными истинным энтузиастом и знатоком. Страницы, посвященные русскому символизму и творчеству Блока, до сих пор служат образцом ясного и проникновенного изложения сложного, малодоступного для иностранцев материала.

Янко Лаврин, один из первых исследователей русской литературы в Англии, включил главы о Блоке в две книги, вышедшие в 1930 и 1935 гг.⁶³ Кроме того, в молодой английской славистике появилось несколько специальных статей, посвященных скорее мировоззрению поэта, чем анализу его творчества⁶⁴.

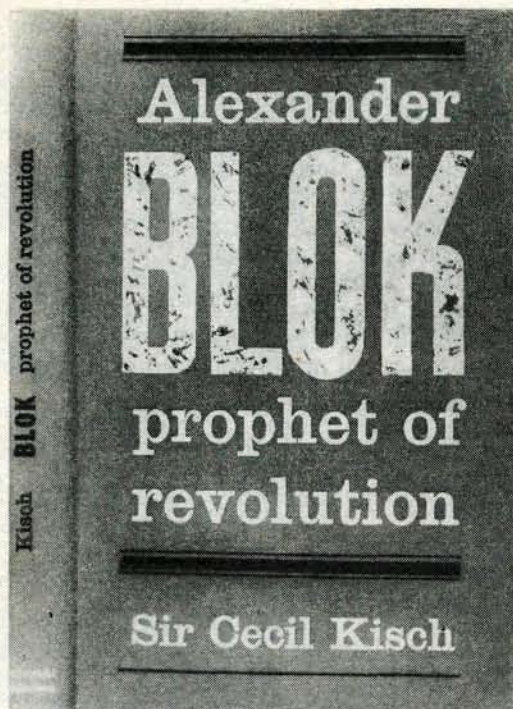
Первая волна интереса к Блоку как к современнику начала спадать к середине 30-х годов и между 1936 и 1941 гг. новые публикации становятся чрезвычайно редкими⁶⁵. Интерес к Блоку постепенно угасал, главным образом, вероятно, из-за качества переводов. Как мы уже видели в первой части обзора, переводчики работали порознь и не знали друг о друге. Плоды их работы, как правило, доходили случайно, и до весьма ограниченного круга читателей.

В 1932 г. Морис Баура совершил большой шаг вперед в критической литературе: он сделал первую попытку осмыслить поэзию Блока в контексте традиций символизма вообще и определить таким образом его место в европейской поэзии⁶⁶.

Этой, впоследствии популярной статьей, появившейся в несколько переработанном виде наряду со статьями о других европейских символистах, в книге Бауры «Наследие символизма» (1943), открывается второй период изучения Блока в Англии. Книга Бауры, несколько раз переизданная в Англии и переведенная на немецкий язык, стала классикой литературной критики. Начался период накопления и распространения информации. Он завершился в начале 70-х годов выходом двух аннотированных изданий «Избранных стихотворений» Блока на русском языке с примечаниями и предисловием, рассчитанными на английского читателя⁶⁷, и изданием первой отдельной книги стихотворений Блока на английском языке⁶⁸.

За весь этот второй период, который отличается исключительным ростом интереса к русской литературе и языку, поэзия Блока становится предметом изучения во всех университетах, где есть русские отделы или кафедры. Писались диссертации⁶⁹; о новых советских изданиях Блока на русском языке печатались пространные рецензии в журналах общелитературного характера. Например, в «Times Literary Supplement», № 2841 за 1956 г. напечатана статья «Romantic Poet of Russia» по поводу двухтомника сочинений Блока, вышедшего в 1955 г. в московском издательстве. Появились многочисленные новые переводы. Были написаны новые истории русской литературы, и, естественно, должное место в них отведено Александру Блоку⁷⁰. Появились статьи о нем в различных энциклопедиях и справочниках о русской и европейской литературе.

Вскоре начали появляться и солидные исследования и монографии о русском символизме⁷¹ и подробные, «портретные» эссе в таких трудах, как «Поэты России 1890—1930» Р. Поджиоли или «От Гюрького до Пастернака» Елены Мачник, а также в специальных периодических изданиях⁷². Баура в книге «Поэзия и политика 1900—1960»⁷³ вернулся к творчеству Блока, опять-таки на фоне общего развития европейской поэзии, называя его

СЕСИЛ КИШ.
АЛЕКСАНДР БЛОК — ПРОРОК РЕВОЛЮЦИИ
Лондон, 1960
Обложка

«величайшим поэтом и наиболее вдохновенным провидцем» своего поколения, одним из тех «поэтов-пророков», которые вернули европейской словесности «величественную манеру и величественные темы», возрождая традиции гражданской поэзии не столько в духе XIX в., сколько в духе древней Греции и древнего Рима.

В 60-е годы появились наконец книги, целиком посвященные Блоку: первые три — очень разные.

Само название первой книги — «Александр Блок — пророк революции»⁷⁴ — совпадает с концепцией Бауры о высокой гражданственности блоковской музыки. Автор ее, сэр Сесил Киш, высокопоставленный чиновник в отставке, безоглядно увлекшийся русской поэзией вообще и поэзией Блока в особенности, старался показать развитие его творчества на фоне времени. Здесь и элементы биографии — Киш, например, пронизательно применяет к Блоку слова Андрэ Моруа о Прусте («в своей собственной семье писатель наблюдал такие примеры совершенного единодушия и красоты, что потом оказался на всю жизнь обезоруженным ими»), — и попытки показать окружение Блока и пересказать его идеи.

Эта бескорыстная культурная работа не защищена профессиональной формой и пониманием историко-литературного процесса. Первые качества, однако, были настолько налицо, что книга прошла с успехом, и до сих пор упоминают о ней добрым словом⁷⁵. Пора все же признаться в том, что эта внутренне честная, первая на английском языке книга о Блоке — книга дилетантская. Поэтому она и не могла долго удовлетворять всевозрастающую любознательность читателей, среди которых многие были уже гораздо лучше, чем предыдущие поколения, подготовлены к пониманию русской культуры.

Вторая книга, написанная американским поэтом, переводчиком и литературоведом Ф. Д. Ривом, — вполне профессиональная. Название — «Александр Блок. Между образом и идеей»⁷⁶ — опять-таки дает представление о подходе к теме. Как и Киш, автор поставил себе задачу познакомить своих соотечественников с жизнью и творчеством Блока в целом, с той разницей, что предполагает у читателя какие-то знания русского языка и довольно высокий уровень понимания литературы. Он исходит более из текстов, чем из исторического и бытового фона и предлагает не только информацию и анализ, но и свое, очень личное толкование Блока. В результате некоторой двойственности задачи книга местами сумбурна, и многие рецензенты нашли ее чересчур сложной и даже претенциозной⁷⁷. Для подрастающего поколения, однако, воспитанного на методологии современной американской и английской критики и притерпевшего к ныне весьма расхожему литературоведческому жаргону, книга Рива все же продолжает служить ярким введением в поэзию Блока. Здесь опять достоинства и недостатки взаимосвязаны. Рив пишет как поэт о другом поэте, и, несмотря на отдельные блистательные прозрения, его суждения о Блоке продиктованы его собственным поэтическим восприятием

мира. К сожалению, Рив применяет к произведениям Блока терминологию и методику мышления, глубоко чуждую мировосприятию русского символизма. Индивидуализм, который у Блока является обостренным чувством ответственности одного за всех, убежденностью, что только исходя из своего духовного опыта можно сказать правдиво о том, что происходит во внешнем, объективном мире, оборачивается у Рива безнадежной замкнутостью в себе, в своей личной проблематике. В его истолковании много психологизма и эстетизма, но мало духовности, мало страсти. «Именно в игре стиха,— пишет Рив,— источник красоты и сумасшествия» (с. 130), и заключает свою книгу, в сущности, нигилистической фразой: «Вкратце символизм стал, и остается, символом самого себя» (с. 222). Блок же в многочисленных прямых высказываниях говорил о вторичности, о производности своего искусства от жизни (путь от реальности к мечте, не наоборот). Во всем своем творчестве, если проследить генезис любого стихотворения, он исходил именно из жизни. Там, где у Рива отрицание мира во имя поэзии, у Блока отрицание падшего, чем-то в корне испорченного мира во имя — все того же мира, только нового, прекрасного и «человечески-простого». Несмотря, однако, на неумение автора видеть различие между своим восприятием стихотворения и авторским замыслом (см., например, о «Соловьином саде», с. 169) и на некоторые неточности, эта содержательная и талантливая книга выдержала испытание временем и до сих пор заслуживает внимательного, хотя и критического чтения.

Третья книга значительно более специальна. «Александр Блок — ритм и метрика» Робина Кембалла — серьезная научная монография, написанная ясным и спокойным английским языком одним из лучших переводчиков Блока и тонким ценителем его поэзии⁷⁸. Книга обратила на себя внимание советской прессы и некоторые разногласия — в частности, в научной терминологии — между английским ученым и его русскими коллегами достаточно подробно разбирались в рецензиях советской периодики. Остается отметить, что посредством пристального анализа формы блоковских стихов Кембаллу удается как бы мимоходом многое сказать и об их содержании. Большой научный аппарат исследований (таблицы, указатели и т. д.) отлично организован, так что книга является незаменимым пособием. Сравнение между английской и русской стихотворной практикой, проделанное во второй части на основе множества конкретных примеров, особенно ценно для интересующихся проблемами поэтического перевода.

Книга Кембалла показательна для общего развития блоковедения в Англии и Америке. За время, которое мы выше назвали вторым периодом, ученые стали гораздо более внимательно относиться к работе своих коллег: библиографии стали более исчерпывающими⁷⁹; были сделаны попытки обзоров литературы о Блоке на английском и других языках по определенным вопросам и также первые опыты библиографии существующих переводов⁸⁰.

Настоящий, третий этап освоения творчества Блока отличается от предыдущих прежде всего более аналитическим подходом и сужением тем. Конечно, невозможно провести резкую черту между 60-ми и 70-ми годами. Монография Кембалла, вышедшая в 1964 г., уже явилась специальным исследованием; в 50-е, как и 60-е годы, специальные проблемы привлекали внимание и других критиков. В книге Г. Дончиной, например, посвященной «Влиянию французского символизма на русскую поэзию» (1958)⁸¹, речь идет и о поэзии Блока в связи с этим конкретным вопросом. Были статьи, посвященные отдельным произведениям и темам: о «Возмездии»⁸²; о «Розе и Кресте»⁸³; о «Скифах»⁸⁴; о музыкальном воздействии гласных и о символизме звукописи в одной песне из цикла «На поле Куликовом»⁸⁵; о метрике Блока⁸⁶. В 1964 г. В. Эрлих выразительно противопоставил Брюсова и Блока как разные творческие типы в эссе «Мастер и провидец»⁸⁷, и в следующем году В. Путман посвятил специальную статью отношениям Блока с русской интеллигенцией⁸⁸. Театр Блока также привлек внимание исследователей. Ева Томсон, например, в статье «Развитие Александра Блока как

драматурга» прослеживает это развитие и указывает на родственность его пьес с пьесами некоторых современных драматургов на Западе, в частности Клоделя. Другие статьи и книги так или иначе затрагивают театр Блока в связи с режиссерскими работами В. Мейерхольда или с развитием театра русского символизма вообще⁸⁹.

Тем не менее, хотя многие из перечисленных выше работ действительно посвящены специальным вопросам блоковского творчества, в большинстве случаев авторы все же считаются с необходимостью давать не только анализ конкретной темы, но и более широкое представление о поэте.

Типичное явление для этого промежуточного периода — статьи и книга Л. Вогел о Блоке в Италии⁹⁰. В книге глубинному анализу итальянских стихов, переводам всего цикла и прозаических фрагментов «Молнии искусств» предшествует не только подробный отчет о путешествии, которое породило эти произведения, но и общие главы биографически-литературоведческого характера, в которых автор дает краткий очерк жизни и раннего творчества Блока.

В целом, однако, период культуртрегерства (информации, пересказа) кончился или кончается. Исключение составляет проблема биографии, ибо обнародование не только дневников и записных книжек Блока, в особенности тех страниц и имен, которые П. Медведев еще не считал возможным публиковать в изданиях 1928 и 1930 гг., но и многих воспоминаний и большого эпистолярного материала вызвало обновленный интерес к этим проблемам, иногда и стремление к переоценке. Вместе с книгами А. Туркова и Вл. Орлова, написанными на родине поэта, эта тяга к осмыслению и обобщению почти необозримого материала не только о творчестве, но и о жизни Блока, видимо, отвечает запросам времени.

Первым плодом изучения этих материалов в Англии является биографическое «Введение в творчество Александра Блока» шотландского ученого Джеймса Форсайта⁹¹. Книга Форсайта, не повторяя предшественников, увлекательно излагает основные факты биографии Блока, исходя из первоисточников, в основном из дневников и записных книжек. На 134 страницах он дает краткую библиографию, указатель и вдумчивую попытку не только описать, но и осмыслить жизнь своего героя. Он подходит к Блоку сдержанно и здраво, явно не желая упрочивать миф о загадочном «поэте-пророке». Скорее он следует за самим Блоком, трактуя его жизнь, как «судьбу человеческую, неудачника» (VIII, 186). Блок третьего тома — «печальный, нищий, жесткий» — выступает рельефно и убедительно, но мне лично кажется, что напряженно ищущий певец Прекрасной Дамы и блистательный Блок второго тома не встают в полный рост со страниц этой книги. Нельзя, однако, не сочувствовать заключению автора: «Блок, — пишет Форсайт, — видел себя сознательным участником собственной драмы. Великая заслуга поэзии Блока, однако, состоит в том, что его драматизация самого себя тем не менее свободна от позы; автопортрет настолько прост и искренен, что оправдывает мнение Адамовича, сказавшего, что лирика Блока в высшей степени неэгоистична, а, наоборот, проникнута сознанием ответственности всех за каждого...» (124)

Вторая биография Блока написана мной для Оксфорд Юниверсити Пресс и опубликована в двух томах в 1979 и 1980 гг.⁹² Она носит скорее академический характер и является плодом многолетней работы в советских архивах, книгохранилищах и частных коллекциях. Первый том обрывается в переломный момент жизни Блока, уже прославившегося поэта, когда весной 1908 г. он остался в Петербурге в состоянии глубокого творческого и личного кризиса. Второй том открывается преодолением этого кризиса через сознательный поворот к основным темам поэзии зрелого Блока: тема России (народа и интеллигенции, в частности); тема Европы, искусства; тема человека в истории. Показать Блока в истории, на фоне современной эпохи и таким образом втянуть читателя в сферу его поэзии — цель книги. Ввиду этой отчетливо осознанной задачи, в процессе работы и я, и редактор последова-

гельно отказывались от литературно-критических экскурсов и замечаний оценочного характера. Книга адресована в первую очередь образованному английскому читателю, не владеющему русским языком и мало знающему Россию. Однако, в связи с тем что она основана в большей мере на неопубликованном материале (часть которого с тех пор остается недоступной читателю), пришлось снабдить книгу полным научным аппаратом. В конце каждого тома специалист найдет список источников, изданных и неизданных, сноски и указатели. В первом томе есть еще приложение в виде родословных Блоков и Бекетовых, во втором — библиография прижизненных и основных посмертных изданий, включая дневники и письма, а также библиография библиографий работ о Блоке на русском и английском. Постраничные примечания имеют служебную функцию, облегчая понимание текста по ходу чтения, объясняя реалии русской жизни, или же носят информационный характер. Оба тома иллюстрированы фотографиями, рисунками и документами.

Выход биографии совпал с юбилеем, и рецензии, как это часто бывает в английской печати, принимали вид развернутых эссе о творчестве поэта. Я прилагаю перечень наиболее интересных из них не только как суждение о книге, о которой я сама, разумеется, судить не могу, но как статьи, имеющие самостоятельное значение и выражающие мнения о Блоке в современной критике Англии и Северной Америки⁹³. Мне лично особенно дорога среди них статья Ч. П. Сноу, одна из последних в его жизни. О «Двенадцати» он писал: «В силу надежды, грозности, отчаянной энергии образов это вне всякого сравнения самая великая и насыщенная поэма о революции»⁹⁴.

На волне юбилея мною был написан сценарий о Блоке для Би-Би-Си (третья программа), который был поставлен режиссером Джоном Феохарисом и передан 20 ноября 1980 г. (повторно 28 августа 1981 г.), и также краткая концепционная статья для «Литерари Ревью»⁹⁵, где я пыталась сформулировать и обобщить свое понимание пути Блока, оставшееся невысказанным в биографии.

В настоящее время, однако, специальная литература тяготеет не к обобщению, а, наоборот, к анализу более узких проблем. Специалисты вправе предполагать некоторый запас знаний у читателя. Существует много книг на английском языке об общелитературном фоне и о современниках Блока⁹⁶; известны основные факты его биографии и основные этапы его творческого развития; благодаря восьмитомному изданию «Собрания сочинений» с приложением тома «Записных книжек» тексты поэта стали широко доступными.

Тщательно подготовленные примечания и указатели делают это издание бесценным пособием. Можно давать ссылки на 8-томник с уверенностью, что он имеется во всех университетских библиотеках, и мы уже принимаем как должное шифр из двух номеров, указывающих том и страницу этого издания. Раньше примечания были более громоздкими, цитаты — более длинными, а изложение мыслей поэта — более подробным, так как нельзя было с уверенностью предполагать, что читатель имеет доступ к таким редким изданиям, как, например, 12-томник, «Записные книжки» и «Дневники» или разрозненные довоенные публикации блоковских писем.

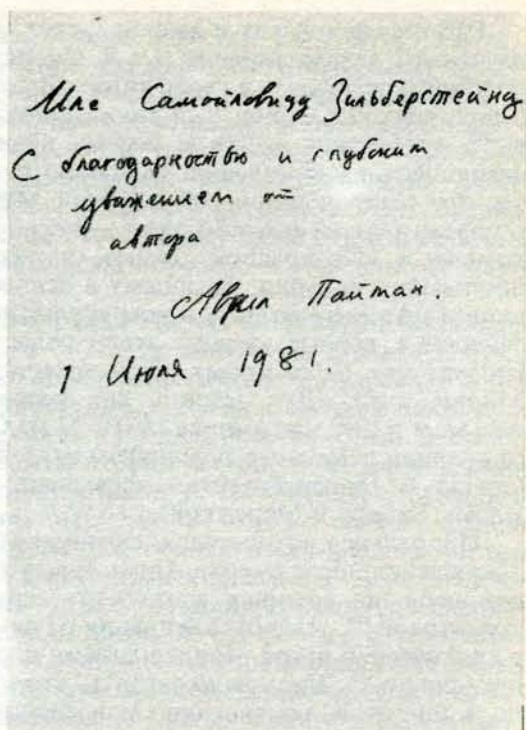
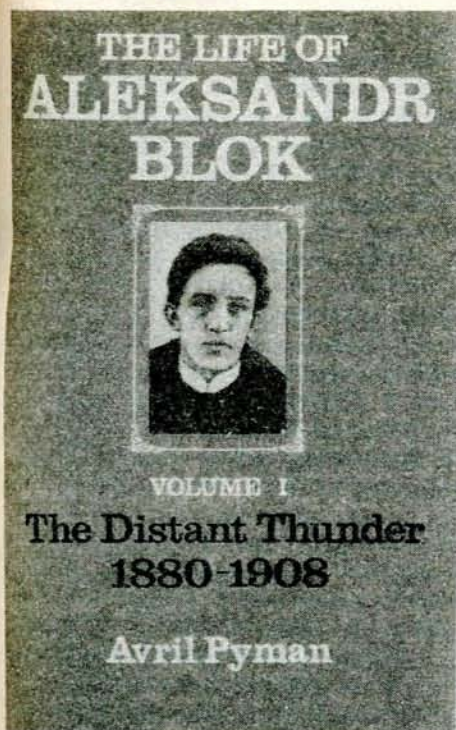
Разумеется, при этом исследователи продолжают считаться как со старыми изданиями, в чем-то дополняющими или отличающимися от восьмитомника, так и с более поздними, например, московским шеститомником под редакцией С. Небольсина.

За последние годы переизданы на Западе «Воспоминания Андрея Белого о Блоке» (оба варианта) и также трехтомник «Воспоминаний», в котором предлагается третий, резко отличающийся от двух предыдущих вариант; «Переписка Александра Блока с Андреем Белым»⁹⁷; «Памяти Александра Блока» (издано Вольной философской ассоциацией в 1922 г.); «Памяти Блока» (издано «Полярной звездой») также в 1922 г. и вышло отдельной книжкой; статья В. М. Жирмунского «Поэзия Александра Блока»; «Александр Блок и Россия» М. Бабенчикова; «Александр Блок — Андрей Белый» (сборник

статей Р. В. Иванова-Разумника); воспоминания о Блоке Е. И. Замятина и В. Ф. Ходасевича в сборниках «Лица» и «Некрополь»; библиография Н. С. Ашукина 1923 г. В переводе на английский вышли также статья о Блоке Замятина: три статьи В. М. Жирмунского; статья З. Н. Гиппиус о ранней поэзии Блока; статья О. М. Мандельштама «Буря и натиск» в двух разных переводах и несколько рецензий Н. С. Гумилева⁹⁸. Сборник «Серебряный век русской литературы» под редакцией К. и Е. Проффер включает переводы многих первоисточников, памятников критической литературы того времени, как и два других сборника: «Современные русские поэты о поэзии» и «Ченто русской литературы» А. Фильда. Жаль только, что нигде, как указала в рецензии Г. Дончина⁹⁹, нет ключевых статей о кризисе символизма, напечатанных в «Апполоне» в 1910 г. Ценным вкладом в переводную литературу о Блоке является антология эссе и воспоминаний о нем, составленная и переведенная Люси Вогел. Здесь, наряду с воспоминаниями Чуковского, Горького и Ахматовой, впервые на английском языке появились «Были и небылицы о Блоке и о себе» Л. Д. Блок. В отделе критических работ: одна рецензия Н. С. Гумилева, статьи Валерия Брюсова и Юрия Тынянова, «Судьба Блока» Б. М. Эйхенбаума, «Поэзия Александра Блока» В. М. Жирмунского, «Барсучья нора» Осипа Мандельштама и выдержки о Блоке из очерка «Люди и положения» Бориса Пастернака. Эта книга почти не повторяет работ других переводчиков и — что особенно ценно — снабжена приложением о переведенных работах и об их авторах и библиографией работ на английском языке о Блоке. Также переведена совсем недавно «Книга об Александре Блоке» Корнея Чуковского («Эпоха», Петербург, 1922)¹⁰⁰. Из Москвы мы получили перевод новой биографии Блока — «Гаммаюн» Владимира Орлова, который, как и отметил рецензент «New York Times», вероятно, больше, чем кто бы то ни было, знает о Блоке и о его времени¹⁰¹.

Как и можно было предположить, в числе первых вопросов для детального анализа у английских и американских литературоведов был вопрос о взаимосвязи поэзии Блока с западной литературой — американской и европейской. Л. Вогел в уже упомянутой книге «Путешествие в Италию» пишет о Блоке и Данте (тема, которой она посвятила не одну статью) и о влиянии барочных образов Эдгара По на блоковское восприятие Флоренции как города масок. Тема Блока и По также заинтересовала Ивана Елагина, посвятившего ей специальную статью¹⁰². Записью Блока об Эдгаре По (VII, 81) открывает Джоан Делайни Гроссман свою очень содержательную, увлекательно написанную монографию о легенде «сумасшедшего Эдгара» в России и об отражении его творчества в книгах русских писателей¹⁰³. Статья Л. Ругля «Трое русских думают об Америке»¹⁰⁴ указывает на мотивы, связанные у Блока с именами Мицкевича и По. Автор считает стихотворение «Новая Америка» лишь «вершиной айсберга» американской темы у Блока и дает необычный анализ этого стихотворения.

Роль Шиллера и влияние немецкого романтизма — в одно время монополия довольно наивного в вопросах русской литературы Е. К. Костки¹⁰⁵ — пересматривается значительно более квалифицированно Д. Уэстом¹⁰⁶, который является также и автором специальной монографии о русском символизме. Уэст интересуется прежде всего философией немецких романтиков и неоромантиков (Шлегель, Шопенгауэр, Ницше и др.), чьи мысли в какой-то мере затрагивали Блока, влияя на его мировосприятие и, в частности, на его отношение к искусству, этике и эстетике. Р. Бирнс посвятил специальную статью воздействию романтической немецкой поэзии (в частности, Новалиса) на русского поэта¹⁰⁷. Другой исследователь немецкого влияния, Р. Хьюз, пишет о Вагнере и «духе музыки» в поэзии Блока, уделяя особое внимание образу «Нотунга», меча Зигфрида¹⁰⁸. Дж. Форсайт в статье о «Пророках и сверхчеловеках» также уделяет большое внимание Ницше и Вагнеру и соотношению с ними образного мира блоковской поэзии¹⁰⁹.

АВРИЛ ПАЙМАН. ЖИЗНЬ АЛЕКСАНДРА БЛОКА. ТОМ I

Оксфорд, 1979

Обложка и титул с дарственной надписью А. Пайман И. С. Зильберштейну

Тема «Блок — Гамлет» затрагивается в общей монографии о Гамлете и русской литературе в специальных статьях Р. Бирнса и В. Н. Викери¹¹⁰. Последний в статье «Гамлет и Дон Жуан у Блока: Шаги Командора» утверждает, что в литературе XIX в. (в частности, у Шлегеля, Колриджа и Тургенева) эти образы начинают сливаться. Гамлет превращается из орудия праведного отмщения в нерешительного эгоцентрика, глубоко виновного перед Офелией, а Дон Жуан Гофмана предстает не грубым сладострастником, справедливо подлежащим небесной каре, а вечно-ищущим романтическим героем. Персонажи объединяются в образ обреченного «лишнего человека», изначально виновного перед вечно-женственным (или, как пишет Викери, обремененного сексуальной виной), неспособного ответить на запросы реальной жизни. У Блока в стихотворении «Шаги Командора» образ Дон Жуана, взывающего к Донне Анне в час смерти, переходит в образ Гамлета поэзии молодого Блока, умоляющего Офелию о заступничестве. Остаются, однако, некоторые пробелы в изучении влияния английской литературы и английской мысли на Блока. Нет, например, специальных работ о Блоке и Байроне, о Блоке и Рескине, о Блоке и Оскаре Уайлде, о Блоке и Карлейле (хотя эта тема затронута, и весьма существенно, в монографии Сергея Хаккеля «Поэт и революция: „Двенадцать“ Александра Блока», 185). Интересно также было бы исследовать не только тему Гамлета, ибо, как мы видели в статье Викери, образ Принца Датского почти отделился от его создателя и пошел своей независимой дорогой по просторам мировой литературы, но и большую тему о Блоке и Шекспире: я бы сказала, о современности для Блока «жесткого, печального, горького художника Шекспира» (VI, 409).

¹¹⁰ Литературное наследство, т. 92, кн. 5

Работа английских и американских ученых не ограничивается, разумеется, изучением взаимовлияний. С. Д. Сиоран, например, взялся, казалось бы, за сугубо русскую тему в своей книге «Владимир Соловьев и рыцарское братство божественной Софии»¹¹¹, а также написал ряд статей о софианстве Соловьева¹¹², где можно найти и весьма ценные для понимания поэзии младших символистов наблюдения. Особенно важно для проблематики поэзии Блока то, что Сиоран пишет об отличии Мировой Души и Божественной Софии в поэзии Соловьева, ибо здесь — некий ключ к блоковским образам «Незнакомки» и «Прекрасной Дамы», а также, может быть, и к поэтическому пониманию истории, лежащему в основе «Двенадцати». Когда Блок в 1918 г. написал Андрею Белому о том «сильном шуме внутри и кругом», который он слышал в первые месяцы этого года, он прибавил: «Для себя назвал это Erdgeist'au». Быть может, здесь имеется в виду именно соловьевская «Душа Мира», а не «Дух земли», как переведено в примечаниях к блоковским письмам в восьмитомнике (VIII, 512)? Сопоставляя работы Сиорана и Уэста (о влиянии немецкого романтизма), можно предполагать, что это именно так. Статья Б. Плацер-Розентал посвящена апокалиптической теме в творчестве Блока, Белого и Мережковского¹¹³.

Проблема соотношения символизма с акмеизмом как бы созрела для обсуждения после смерти Анны Ахматовой. Она естественно распалась на ряд вопросов, из которых достаточно серьезными были: тема Блока в поэзии Ахматовой¹¹⁴, тема отталкивания от символизма вообще и Блока в частности, в критической прозе Мандельштама и тема «блоковского подтекста» в поэзии последнего¹¹⁵. Здесь надо сказать, что у некоторых критиков, преимущественно в широкой, но частично и в специальной прессе, терялась историческая перспектива. Блок сравнивался с Ахматовой и Мандельштамом так, как будто это были современники, притом Блоку ставились в вину все те черты символической поэзии, с которыми полемизировали акмеисты и от которых он сам постепенно и сознательно отходил начиная с 1910 г. Ярким примером такого внеисторического подхода может служить следующий абзац из статьи «Роковая пустота» Джона Бейли — весьма уважаемого критика и автора серьезных монографий о Пушкине и Толстом:

«Но „роковая пустота“, как Блок сам назвал ее, начала нарастать в течение последних довоенных лет, и нельзя сказать, в сущности, — несмотря на „Двенадцать“, — чтобы он сумел приспособиться к тому, что Анна Ахматова назвала настоящим, а не календарным двадцатым веком. Для меня показательно, что в „Поэме без героя“, которая главным образом посвящена той обреченной литературной среде, к которой принадлежал Блок, тем не менее великолепно свивается опыт этой эпохи с опытом нашего времени, и из соотношения обоих получается большая поэзия. Блок до такого синтеза не дотянул бы»¹¹⁶.

Книга «Ахматова и Блок» В. Н. Топорова¹¹⁷ вернула дискуссию к реальной хронологии событий и к изучению текстуальной преемственности. Она вызвала живой отклик в специальной печати, и надо думать, значение ее в определении взаимоотношений «Блок — акмеизм» далеко не исчерпано¹¹⁸.

Статьи, посвященные анализу формы и попыткам проникнуть в содержание через форму, вплоть до подсчета слов и статистических таблиц, за последние годы встречаются все чаще как в западном, так и в советском литературоведении. Это направление в Европе поддерживается «Международным журналом славянского языковедения и поэтики» („International Journal of Slavic Linguistics and Poetics“). В журнале напечатаны интереснейшие работы Абернафи и Нилсона, посвященные функциям гласных в цикле «На Поле Куликовом», статьи Тарановского и Фейнберга о семантике и символике Блока¹¹⁹. Последний наглядно показывает роль Блока как «промежуточного звена» между символизмом начала века и поэзией Ахматовой и Пастернака. Его работа представляет собой существенный вклад и в тему «Блок — акмеизм — футуризм». В Америке «Славянский и восточно-европейский журнал»

(«Slavonic and East European Journal») также известен работами, содержащими формальный анализ, и не случайно именно на его страницах появились две серьезные статьи, посвященные вопросам метрики Блока¹²⁰. Оба автора, Вудвард и Бейли, заинтересовались дольниками Блока, последний — в связи с его переводами Гейне. В сборнике в честь профессора Р. О. Якобсона его ученица К. М. О'Коннор старательно проанализировала «тему и цвет» в «Стихах о Прекрасной Даме» в статье, которая служит наглядным доказательством того, какие ценные итоги может давать метод подсчета слов, вдумчиво примененный к определенным образом ограниченному материалу¹²¹.

Именно этот метод использовал Джеральд Пирог, анализируя «Итальянские стихи» Блока в монографии 1983 г.¹²² Я уже упомянул о книге Пирого в связи с тем, что он дает текст стихотворений по-русски, без перевода и без дополнительных материалов информационного характера. Он посвящает первую главу значению итальянских городов, которые посетил Блок. В следующей главе о композиции цикла он ставит ряд вопросов о несовпадении порядка стихотворений с хронологией путешествия. Потом идут три главы, каждая из которых посвящена подробному разбору одного стихотворения: «Равенна», «Благовещение» и «Успение». На основе этого анализа автор приходит к заключению, что именно в «Итальянских стихах» Блок окончательно осознал, насколько мертва культурная традиция Европы (и, следовательно, в большой мере его собственная). Здесь он столкнулся с невозможностью ее искусственной реанимации в поэзии, и в частности понял невозможность продолжать писать на темы Данте, художников Квадроченто и тревожного высокого Ренессанса, о «гносеологической встрече» с вечно-женственным, о возможности воссоединения небесного и вечного с земным и временным в высокой страсти. К книге приложены частотный словарь цикла, подсчет слов из главных семантических полей, библиография и указатель. Ряд глав был опубликован раньше в журналах¹²³, но здесь, собранные вместе, они производят несравненно более сильное впечатление. Это — существенная по содержанию и по методике крайне «чистая» книга.

Та же методика применяется в статье Яна ван дер Энга¹²⁴ о времени и пространстве в четырех стихотворениях Блока.

Все чаще встречаются работы, в которых внимание автора сосредоточено на одном стихотворении или на группе стихотворений. Такова, например, короткая монография Ирины Мазинг о «Снежной Маске»¹²⁵, небезытересная работа, хотя уступившая по критической зрелости дальнейшим, выдающимся исследованиям того же автора под двойной фамилией Мазинг-Делли.

Критик также предпочитает ограничиваться суженной проблематикой, выбирая предметом пристального анализа такие темы, как «Мотив масок в поэзии Александра Блока» (проницательнейшая статья, в которой исследователь как бы «содействует» поэту в поисках — за всеми масками — своего подлинного «я»). В другой статье — «Ограничение и боль в поэзии Брессо и Блока» — автор углубляет противопоставление двух поэтов в работах Д. Е. Максимова, И. Хольтхузена и В. Эрлиха, которых признает своими предшественниками. В третьей статье — «Три стихотворения о двух встречах» — Мазинг-Делли сопоставляет блоковское «О доблестях, о подвигах, о слове» с пушкинским «Я помню чудное мгновенье» и с «К. В.» Тютчева¹²⁶.

Образ «Незнакомки» теперь, как и прежде, дразнит воображение, и критики применяют ту же технику глубинного, пристального текстуального анализа и к пьесе, и к стихотворению. На эту тему Даниел ле Ферриер написал две причудливо названные статьи¹²⁷. Г. Скулбрейд посвятил несколько страниц загадочной героине Блока¹²⁸, и Джон Боулт, автор книги о «Мире искусства», теперь более известный как специалист по русской живописи XX в., нежели как литературный критик, дал убедительный и изысканный разбор пьесы и стихотворения¹²⁹, в котором указал на связь поэзии Блока с образительным искусством того времени, особенно на сходство представлений

о времени и пространстве у Блока и у художников «Голубой розы», в частности Борисова-Мусатова.

Ориентация на живопись неслучайна. В других исследованиях также сделаны попытки связать второе поколение символистов с постимпрессионистами в западной живописи и — в России — с Врубелем и Борисовым-Мусатовым (художниками, особенно горячо поддержанными журналом «Золотое руно», с которым Блок был в течение нескольких лет довольно тесно связан)¹³⁰. Проблема взаимосвязи между поэзией и искусством, поэзией и музыкой занимает, например, и Джемса Уэста¹³¹. Пространство и время в поэзии Блока и Хлебникова, при сопоставлении с различными видами искусства, исследуются Джулианом Граффи в его докторской диссертации¹³².

Особое место занимают новые работы, посвященные поэме «Двенадцать», «Петроградскому Апокалипсису», как ее недавно назвал рецензент «Times Literary Supplement»¹³³. В них тоже чувствуется тяга к подведению итогов, к все более пристальному исследованию отдельных проблем. Типичным явлением этой тенденции можно считать обзор «критических истолкований образа Христа», проведенный Муниром Сендичем в журнале „Russian Literary Triquarterly“ за осень 1972 г. К обзору приложена библиография критических работ на разных языках, посвященных блоковской поэме¹³⁴, и в частности образу Христа, завершающему ее. Среди досадных пропусков здесь следует отметить отсутствие работы Вольфа Дитриха Клуге об «Интерпретации революции в поэме А. Блока „Двенадцать“», которая, поскольку существует английский вариант, прочитанный на Съезде американских и канадских славистов в Уиннипеге в 1970 г., должна была войти в библиографию.

С 1972 г., однако, появились в переизданиях некоторые весьма существенные старшие работы (очевидно, неизвестные библиографу по первой публикации¹³⁵) и некоторые новые. Среди последних выделяется статья Ф. Фламан, которую необходимо упомянуть, хотя оригинал — на французском языке. В ней автор прослеживает развитие образа Христа во всей поэзии Блока — простой и лежащей на поверхности путь к концу «Двенадцати», который до появления этой глубоко продуманной статьи как будто никем не проделывался¹³⁶.

Ирина Мазинг-Делич посвятила две статьи поэме «Двенадцать»¹³⁷. Первая несколько схожа по тематике со статьей Фламан, так как исследует отношение Блока к «вечно-женственному» в связи с образом Христа в его поэзии. В другой статье анализируется посвященное Блоку стихотворение Пастернака о Рождественской звезде, которое сравнивается с финалом «Двенадцати», причем оба произведения не совсем убедительно рассматриваются в контексте торжествагородской культуры над жизнью природы.

После библиографии Сендича первостепенное значение имеет, конечно, научная монография Сергея Хаккеля «Поэт и революция: Александр Блок и „Двенадцать“»¹³⁸. Исходя из старообрядческого правописания имени «Исус», Хаккель понял Христа «Двенадцати» как олицетворение мятежной стихии сектантов, самосжигателей, старообрядцев из глухих лесов, где деды «пели о своем Христе». В связи с этой концепцией он поднял материалы, свидетельствующие об интересе Блока к русскому сектантству; материалы касаются не только самого Блока, но и людей его окружения: Белого, Ремизова, Розанов; Иванова-Разумника, Клуева, Есенина, Скалдина и других писателей, группировавшихся вокруг издательства «Земля» и журнала «Новое вино». Очевидно, этот вопрос «созрел» для науки, ибо одновременно с Хаккелем, хотя и совершенно независимо от него, этой проблемой в связи с пьесой «Песня судьбы» (с образом Фаины заинтересовался немецкий исследователь Дитрих Ворн¹³⁹). Так же независимо пришел к этой теме Юрий Иваск в статье «Русские поэты-модернисты и мистическое сектантство», опубликованной примерно в то же время¹⁴⁰.

Как многие первооткрыватели, Хаккел, несмотря на оговорки, придает порой слишком большое значение своему открытию; однако его глубокая

компетентность не позволяет ему все же забывать о сложности блоковского мира, о «полигенезисе» его образов. Тем не менее в результате анализа возможных ассоциаций, из которых мог бы родиться блоковский образ Христа, автор все же возвращается к представлению об апокалиптическом предвозвестнике Нового Иерусалима или Нового Петербурга, очищенного кровью мучеников петровского самодержавия.

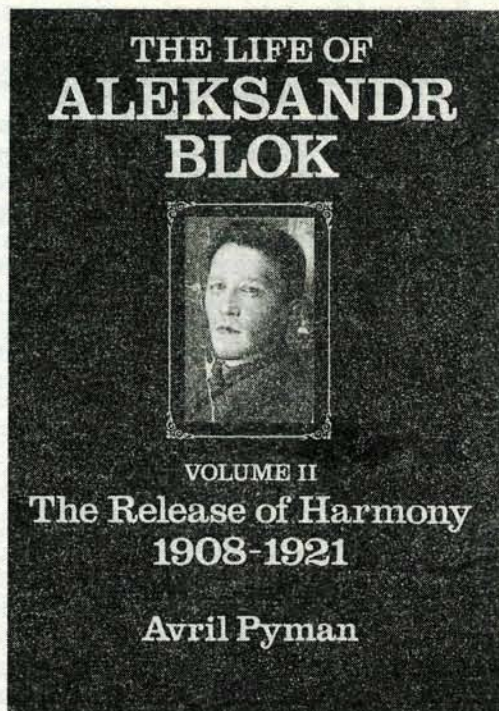
В выяснении источников образа Христа Хаккел в сильной степени опирается на заметки Блока, сделанные на полях его личных книг, и показывает завидные знания периодики и газетных статей 1917—1918 годов. Трудно, однако, согласиться с ним, что образ Христа у Блока — образ «компилятивный» (собирательный, с. 188). Нам представляется, что этот образ превышает значение указанных источников.

Смелое и оригинально продуманное исследование Сергея Хаккеля имеет и другое достоинство. Автор восстановил многое из возможно виденного или прочитанного Блоком за те два месяца (ноябрь—декабрь 1917 г.), что не нашло отражения в дошедших до нас его дневниках и записных книжках. Путем кропотливой работы Хаккелю удалось воссоздать духовный климат того времени (газеты, лозунги, собственные имена, распоряжения, как себя вести Красным отрядам, действительно состоящим из 12-ти человек, и т. д.), и этим также его книга вносит большой вклад в наше восприятие поэмы.

Едва ли то же самое можно сказать о смело названной статье С. В. Пономарева «„Двенадцать“ — новое истолкование»¹⁴¹. Здесь, в сущности, при помощи известных цитат подкрепляется заявление самого Блока о том, что в его поэму попала лишь случайная «капля» политики. Автор подчеркивает, что «Двенадцать» является кульминационным моментом напряженного «вслушивания» в мир, свойственного Блоку с начала его творческого пути. Это, конечно, неоспоримо, однако нового здесь мало — как в материале, так и в осмыслении его. Подобные статьи — попытка вернуться к периоду просветительски-обобщающих исследований о Блоке, периоду, в определенном смысле завершеному столетием со дня рождения поэта.

По приглашению профессора Вальтера Викери весной 1980 г. многие из перечисленных авторов-блоковедов приняли участие в юбилейной блоковской конференции, проведенной в университете Северной Каролины при Чепел Хилл (США) по случаю столетия со дня рождения поэта. Сборник докладов вышел в январе 1984 г. в издательстве «Славика»¹⁴².

В книгу включены 21 доклад, введение от редакции и текст вступительной лекции. Доклады в большинстве своем соответствуют основным тенденциям в изучении творческого наследия Блока, о которых уже говорилось выше. Заметен интерес исследователей к проблемам расположения стихотворений в цикле, вопросам семантики и структуры, в том числе у английских и американских исследователей.

АВРИЛ ПАЙМАН.
ЖИЗНЬ АЛЕКСАНДРА БЛОКА. ТОМ II
Оксфорд, 1980
Обложка

Роберт Абернафи вновь возвращается к полемике с Н. А. Нилсоном о значении гласных в стихотворении «В ночь, когда Мамай залег с ордою» из цикла «На Поле Куликовом». Цитируя предисловие Блока к «Собранию стихотворений» 1911 г.: «Каждое стихотворение необходимо для образования главы... всю трилогию я могу назвать „роман в стихах“», Эмили Клейн пишет о месте стихотворения «О доблестях, о подвигах, о славе», открывающем цикл «Возмездие». Андрей Кожак посвящает свой доклад кольцевой структуре стихотворения «Ночь, улица, фонарь, аптека». В статье «Язык любви и граница языка» Джералд Пирог анализирует стихотворение «Благовещание» (см. журнал „Russian Literature“, VII, 1919, с. 491—520). Богдан Сагатов, член редколлегии сборника, следуя методу аналитической психологии Юнга, дает истолкование «Ночной фиалки» как поэмы-сновидения. Интересно отметить, что Сагатов также приводит высказывание Блока о трилогии как о «романе в стихах». Анализируя «Жизнь моего приятеля», Давид Слоан обращает внимание на цикличность блоковской лирики. Исследователь отмечает, что стихотворение писалось в течение продолжительного времени — от 1909 до 1915 г. — и поэтому может служить особенно ярким примером того, как поэт постфактум перегруппировал стихи, чтобы создать впечатление сюжетной напряженности. Эдуард Станкевич в статье о «Двенадцати» тоже обращает особое внимание на цикличность поэмы, ее фрагментарность и полифоничность. При этом автор подчеркивает, что поэма тем не менее обладает «направленностью и внутренним единством», возникающими, по его мнению, не столько от движения «вперед» и «вдоль», сколько от «скрытого символического измерения». Уолтер Викери, главный редактор сборника, следуя общей тенденции, подчеркивает трагичность и драматизм поэмы «Соловьиный сад». Я пишу «следует», но, разумеется, все эти работы были написаны независимо друг от друга и впервые «встретились» на конференции, где не было ни заданной темы, ни заданного направления. Тем любопытнее общий интерес к лирическому творчеству Блока как к роману или трагедии.

В других статьях сборника есть многочисленные попытки определить творчество Блока по отношению к его современникам в контексте русской культуры XX в. В этом смысле особое место занимает доклад Генрика Барана о «вампиризме», который касается романтического наследия в восприятии Блока. Остальные авторы выбрали более современные темы. Так, Джон Боулт проблемы пространства у Блока сравнивает с теми же проблемами у Малевича; Анна Лиза Кроне рассматривает тему «Италия у Блока и Мандельштама»; «Возмездие» Блока сравнивается с «Поэмой без героя» Ахматовой (Сэм Драйвер), «Двенадцать» — с «Рождественской Звездой» Пастернака (Ирина Мазинг-Делич); исследуются отношения между Блоком и Пастерновским (Аврил Пайман). Биографическое содержание имеет доклад Люси Вогел, посвященный жене поэта. Ценные, строгие по методике статьи о семантике Блока представили Томас Экман и др.

Поскольку на конференции присутствовали представители разных критических школ, одной из главных тем оживленной и интересной полемики была тема продуктивности различных литературоведческих методов: культурно-исторического, биографического, философского, психологического, социологического, структуралистского. Предмет этой дискуссии постоянно всплывает и в рецензиях на новые работы, притом бывает, что критики доходят до полного отрицания ценных исследований, принадлежащих авторам противоположной школы. По мере того как я писала этот обзор, все отчетливее виделось, что не прав лишь тот, кто отстаивает свою методику как единственную правильную.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Молодой Блок относился к этим переводам юмористически: см. его письмо к матери от 13 сентября 1905 г. в книге «Письма к родным», 1, с. 149 и письмо к А. Белому от 22 сентября 1905 г. (VIII, 133), а также письма без дат, относящиеся к началу сентября того же года (в кн.:

«Александр Блок и Андрей Белый. Переписка», с. 139—141). Первые переводы И. Понтера были изданы в 1907 г. (см.: M. Baade. Zur Aufnahme von Aleksandr Bloks Poem «Die Zwölf» in Deutschland, Teil I, 1920—1933.—«Zeitschrift für Slawistics», Band IX, Heft 2, 1964, S. 175—195), но, как видно из вышеупомянутых писем, немецкий поэт приступил к этой работе еще в 1905 г. и тогда же попросил Блока снабдить его биографическими данными (см. также в наст. книге обзор В. В. Дудкина «Блок в Германии»).

² The Oxford Companion to English Literature. Compiled and edited by Sir Paul Harvey (d. 1948), fourth edition revised by Dorothy Eagle, 1978, Oxford at the Clarendon Press, p. 795.

³ A n o n. «Times Literary Supplement», Friday, April 10, 1914, p. 176.

⁴ A n o n. «Times Literary Supplement», Friday, April 24, 1914, p. 194. За сведения об авторстве Стивена Грехема я благодарна профессору Уильяму Харрисону, статья которого «The Times and Russia on the Eve of the First World War» вышла в 1984 г. в сборнике, посвященном памяти покойного Николая Ефремовича Андреева,—«Poetry, Prose and Public Opinion. Aspects of Russia 1850—1950», Averbury Books.

⁵ Стихотворение цитируется в первом номере за 1914 г., с. 8329 (впервые оно было опубликовано в «Русском слове» 25 декабря 1913 г. под названием «Россия»).

⁶ «The Times Russian Supplement» субсидировался царским правительством и издавался по русским первоисточникам; при этом «Приложение» много внимания уделяло экономическому росту России. За 1914 г. вышло три номера: 7, 8 и 9 соответственно за 16 февраля, 27 апреля и 27 июня. Не удалось найти ни статьи из «Горнозаводского дела», ни «Новой Америки» Блока как в этих номерах, так и в последующих за 1915—1917 гг. Возможно, что такие материалы были подготовлены для газеты, но не опубликованы.

⁷ Это стихотворение «День был нежно-серый, серый, как тоска» и «Мальчики да девочки» в переводе P. Selver.—«Modern Russian Poets», Kegan Paul and Co. London, 1917.

⁸ A. B l o k. The Twelve. Tr. and introduced by C. Bechofer. Chatto and Windus, London, 1920. Отрывки из «Двенадцати» и все стихотворение «Скифы» приводятся в статье «New Tendencies in Russian Thought» того же переводчика (T. L. S. Thursday Jan. 20, 1921, N 922).

⁹ См.: «The Twelve».—«Times Literary Supplement», November 25, N 904, p. 782 и ответное письмо в редакцию переводчика.—«Times Literary Supplement», December 9, N 906, p. 839.

¹⁰ A. B l o k. The Twelve. Tr. by Babette Deutsch and Abram Yarmolinsky, with translators' preface, B. W. Huebsch, New York, 1923; также в кн.: «Russian Poetry», John Lane, Bodley Head Ltd. London, 1923, p. 126—36, откуда попал в антологию тех же авторов: «Russian Poetry, an Anthology», Martin Laurence Ltd. New York, 1929, part 3, p. 141—7 и в журнал: «Slavonic and East European Review», v. VIII, 1930, p. 183 и еще после второй мировой войны—в новый сборник работ тех же переводчиков: «A Treasury of Russian Verse», Macmillan and Co. New York, 1949, p. 1011—24.

¹¹ W. A. C o x w e l l. Poems from the Russian with an introduction by D. Mirsky. London, The C. W. Daniel Co. 1929, p. 224—246, 300—302. Переведены: «Двенадцать», «Люблю высокие соборы...», «На поле Куликова», «Незнакомка...», «Ночь, улица, фонарь, аптека», «Пляски смерти», «Предчувствую Тебя, года проходят мимо», «Скифы», «Сытые», «Художник».

¹² B. D e u t s c h and A. Y a r m o l i n s k y. «Russian Poetry, an Anthology», London, John Lane, Bodley Head. 1927. Сборник содержит, кроме «Двенадцати» (173 и след.) и «Скифов» (18), следующие стихотворения: «Грешить бесстыдно, непробудно» (146), «Незнакомка» (143), «Осенняя любовь I» (147), «По городу бегал черный человек» (145), «Предчувствую Тебя» (142), «Ты отходишь в сумрак алый» (141).

¹³ George Reavey and Marc Slonim. Soviet literature. London, 1933. Здесь выдержки из поэмы «Двенадцать» (338) и стихотворение «Новая Америка» (336).

¹⁴ Francis Cornford and Esther Polianovskiy-Salaman. Poems from the Russian. London, Faber and Faber Ltd. 1943, p. 53—59, 72—74. Переведены стихотворения «Девушка пела в церковном хоре», «Коршун», «Незнакомка», «Поздней осенью из гавани», «Рожденные в года глухие», «Сусальный ангел», «Сын и мать».

¹⁵ Francis Cornford and Esther Polianovskiy. Op. cit., «A girl stood in the church choir singing», and «Son and Mother».

¹⁶ H. M' D i a r m i d. A Drunk Man looks at the Thistle, William Blackwood and Sons, Ltd, Edinburgh and London, 1976, p. 7—9, 10. Переведены стихотворения «Незнакомка» и «Предчувствую Тебя, года проходят мимо». Влияние Блока и других русских писателей на шотландского поэта посвящена диссертация доцента Университета Глазго Питера Маккэри. Ему же я благодарна за указание на перевод «Двенадцати» С. Г. Смита (см. след. примеч.).

¹⁷ Sidney Guthrie Smith, «The Twelve».—В кн.: «Collected Poems», John Caulder. London, 1975, p. 1009—119.

¹⁸ Здесь, в переводе О. Ельтона, были напечатаны: «Равенна» («Slavonic and East European Review», v. III, 1925, p. 750) и «Свирель запела на мосту» (v. VII, 1929, p. 393). Несколько позже, в переводе А. Л. Башам, появились «Увижу я, как будет погибать...» (v. XVI, 1938, p. 288). См.: «Даман, птица вешая»; «Плухая ночь мертва»; «На небе зарево»; «Увижу я, как будет погибать»; «Я шел во тьме дождливой ночи». И еще позднее, с 1945 г., переводы В. де С. Пинто, которые потом были помещены во «Второй книге русских стихов» М. Бауры (см. примеч. 20).

¹⁹ O. E l t o n. Verse from Puschkin and Others, Edward Arnold and Co Ltd, London, 1935. Переведены: «Барка жизни встала»; «Грустя, и плача, и смеясь»; «Здесь в сумерки в конце зимы»; «Равенна»; «Старик»; «Теряет берег очертанья»; «Я вижу блеск, забытый мною».

²⁰ С. M. B o w r a. A Book of Russian Verse, Macmillan and Co Ltd, London, 1943. Переведены составителем: «Все это было, было, было»; «Голос из хора»; «Девушка пела в церковном хоре»; «Демон» («Иди, иди за мной, покорной»); «Дикий ветер»; «И я люблю, и я изведал»; «Ищу

спасенья»; «Коршун»; «Осенняя любовь»; «Предчувствую Тебя»; «Рожденные в годы глухие»; «Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться»; «Старинные розы»; «Тени на стене»; «Ты говоришь, что я дремлю»; «Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух»; «Художник»; «Шаги командора». Такая подборка блоковских стихов, занявшая значительное место в антологии, свидетельствует о том, как высоко ценил Баура поэзию Блока. Она была значительно дополнена во второй книге: С. М. В о w г а. *A Second Book of Russian Verse*. Macmillan and Co Ltd. London, 1947. Здесь впервые опубликована в переводе составителя поэма «Двенадцать» и стихотворения: «Есть времена, есть дни, когда...»; «Идут часы, и дни, и годь»; «О доблестях, о подвигах, о славе»; «Пляски смерти»; «Я насадил мой светлый рай»; «Я не предал белое знамя». В переводе В. де С. Пинто помещены: «Мой милый, будь смелым»; «Не легли еще тени вечерние»; «Новая Америка»; «Ночь, улица, фонарь, аптека». И в переводе О. Ельтона: «Равенна» и «Я вижу блеск, забытый мною».

²¹ G. Grigson. «A Poetic Grand Master?»—«Country Life», March 8, 1979, p. 677. Григсон пишет по поводу моих английских переводов Блока, опубликованных в первом томе биографии Блока в 1979 г., но недумственно распространяет свое суждение и на более ранние попытки переводить великого русского поэта, личность которого пленяет, несмотря на невозможность судить о нем как о поэте.

²² H. Falshtaw. *The Twelve*.—В кн.: «A Treasury of Russian Literature». Translated, selected and edited by Bernard Guilbert Guerney.—«The Vanguard Press», New York, 1943, p. 146—149. Книга переиздана с дополнениями в Англии как: «Soviet Literature. An Anthology».—Lindsay Drummond, London, 1946. Здесь также помещен перевод «Двенадцати» (p. 336—339).

²³ N. Gange. *The Russian Horizon*, An Anthology.—George Allen and Unwin Ltd. London, 1943. (Для Блока). См. с. 22, 264—265, 266.

²⁴ G. Shelle y. *Modern Poems from the Russian*.—George Allen and Unwin Ltd. London, 1942, p. 69—82.

²⁵ Статья «О назначении поэта» была впервые переведена в конце 20-х — начале 30-х годов.

²⁶ A. Blok. *The Collapse of Humanism*. Tr. Isaiah Berlin.—The Oxford Outlook. Blackwell, Oxford, 1931.

²⁷ Cp.: J. Pilling. A tale worth telling for its own sake, («P. N. Review», v. 7, 1980, N 3, p. 51—52, который пишет о «завораживающе интересных эссе Блока о культуре (доступных английскому читателю в издании ныне покойной фирмы «Линдсей-Драммонд»).

²⁸ A. Blok. *The Spirit of Music* (Selected Essays from the collections «Russia and the Intelligentsia», «Art and Religion» and «The Collapse of Humanism»). Tr. by I. Freiman with an introduction by Elizabeth Hill. Lindsay Drummond. London, 1946, 70 p.

²⁹ A. Blok. *On the Function of the Poet*. Tr. by Alex Miller—«The Poetry Review», vol. XLII, 1951, p. 322—328.

³⁰ *The Silver age of Russian Culture*, an anthology edited by Carl and Ellendea Proffer, Ardis, Ann Arbor, Michigan, 1971 and «Russian Literature Triquarterly» («Symbolism»), N 4, Fall, 1972.

³¹ Cp., например: A. Blok. *Shakespeare's King Lear*. Tr. Avril Pyman «Shakespeare in the Soviet Union». Progress Publishers. Moscow, 1966, p. 17—24; A. Blok. *The Intelligentsia and the Revolution* (в сокращении). Tr. Avril Pyman.—«Soviet Literature», N 11, 1970, p. 146—152; A. Blok. *From the Article Three Questions* (отрывки); «Reply to a questionnaire of the Union of Literary Workers» (отрывки). Tr. Alex Miller, и «Excerpts from Letters to his Wife». Tr. Peter Tempest.—«Soviet Literature», N 11, 1980, p. 125—141.

³² Sir Cecil Kisch. *Alexander Blok, Prophet of Revolution. A Study of his Life and Work*, illustrated by Translations from his poems and other Writings.—Weidenfeld and Nicolson. London, 1960, 202 p.

³³ Среди переведенных или частично переведенных стихотворений в монографии Киша: «Барка жизни встала»; «Бегут неверные дневные тени»; «Болотистым, пустынным лугом»; «В октябре»; «Возмездие» (неполностью); «Все ли спокойно в народе?»; «Все отлетают сны земные»; «Все это было, было, было»; «Второе крещение»; «Голос из хора»; «Двенадцать»; «Дома растут, как желанья»; «Друзьям»; «Кольцо существованья тесно»; «Коршун»; «Май жестокий с белыми ночами»; «На поле Куликовом»; «На смерть деда»; «Незнакомка»; «О доблестях, о подвигах, о славе»; «Песнь Ада»; «Песня Офелии»; «Последнее напутствие»; «Разгораятся тайные знаки»; «Рожденные в годы глухие»; из «Розы и Креста»; «Песня Гаэтана»; «Россия»; («Опять, как в годы золотые»); «Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?»; «Скифы»; «Сытые»; «Тебя я встречу где-то в мире»; «Ты, как отзвук забытого гимна»; «Унижение»; «Ушла, но гиацинты ждали»; «Шаги Командора»; «Я восходил на все вершины»; «Я знаю день моих проклятий»; «Явился он на стройном бале».

³⁴ F. D. Reeve. *Aleksandr Blok Between Image and Idea*. Number 1 Columbia Studies in the Humanities. Edited under the auspices of the Faculty of Philosophy, Columbia University, Columbia University Press, New York—London, 1962, X, 268 p. Ривом переведены полностью или почти полностью: «Балаганчик» («Вот открыт балаганчик»); «Бегут неверные дневные тени»; «Благовещение» («С детских лет видения и грезы»); «В день холодный, в день осенний»; «Вися над городом всемирным»; «Двойнику» («Ты совершил над ней подвиг трудный»); «Девушка пела в церковном хоре»; «День проходил, как всегда»; «Еще прекрасно серое небо»; «Идут часы, и дни, и годь»; «Из газет»; «Как тяжело ходить среди людей»; «Незнакомка»; «Ночь, улица, фонарь, аптека...»; «Она пришла с мороза»; «Петербургские сумерки снежные»; «По городу бегал черный человек»; «Поздней осенью из гавани»; «Поэт» (Сидит у окошка с папой); «Предчувствую Тебя, года проходят мимо»; «Прошедших дней немеркнущим сияньем»; «Пять изгибов сокровенных»; «Слабей жизни гул упорный»; «Там в улице стоял какой-то дом»; «Я жалобной рукой сжимаю

своей костыль»; «Я понял смысл твоей печали». У Рива очень много отрывков (достаточно пространных, чтобы дать представление о стихотворении), и этот перечень переводов далеко не исчерпывает цитированных и частично переведенных им стихотворений.

³⁵ «The Penguin Book of Russian Verse» Introduced and edited by Dimitry Obolensky. В серии «The Penguin Poets» N 57 Russian Verse, Penguin Books Ltd, London, First published 1962. См.: XXII, p. 262—285. Здесь приведены в прозаическом переводе: «За гробом»; «К Музе»; «На поле Куликском»; «Незнакомка»; «Ночь, улица, фонарь, аптека»; «О доблестях, о подвигах, о славе»; «Равенна»; «Рожденные в годы глухие»; «Ты помнишь? В нашей бухте сонной»; «Художник»; «Шаги Командора».

³⁶ L. E. Vogel. Aleksandr Blok. The Journey to Italy, with English translations of the Poems and Prose Sketches on Italy.—Cornell University Press, Ithaca and London, 1973, XIX, 279 p.

³⁷ A. Blok. Three vers libres poems. Tr. by Alex Miller.—«The Poetry Review», New Series, Winter 1963/4, p. 302—304: «Девушка из Сентиньяно»; «День проходил, как всегда»; «К вечеру вышло тихое солнце».

³⁸ Л. Vogel также перевела «Песнь Ада» («День догорал на сфере той земли») для своей статьи «A Symbolist's Inferno: Blok and Dante» (The Russian Review, vol. 29, N 1, January 1970, p. 38—51).

³⁹ G. Pirog. Aleksandr Blok's. Итальянские стихи Confrontation and Disillusionment. Slavica Publishers Inc., Columbus, Ohio, 1983, XI, 203.

⁴⁰ S. Hackel. The Poet and the Revolution. Aleksandr Blok's «The Twelve», Oxford at the Clarendon Press, 1975, XVI, p. 254. Перевод «Двенадцати», (p. 207—229).

⁴¹ A. Pyma n. The Life of Aleksandr Blok. V. I. «The Distant Thunder, 1880—1908». Oxford, University Press, 1979, XVI, 359 p. V. II. The Release of Harmony, 1908—1921. Oxford, University Press, 1980, VIII, 423. В первом томе переведены целиком: «Балаганчик» (Вот открыт балаганчик); «Брожу в стенах монастыря»; «Вися над городом всемирным»; «Все кричали у круглых столов»; «Вот он — ряд гробовых ступеней»; «Вот Он — Христос — в цепях и розах»; «Еще прекрасно серое небо»; «Когда вы стоите на моем пути»; «Она пришла с мороза»; «Осенняя любовь I» (Когда в листве сырой и ржавой); «По берегу плелся больной человек»; «Ты отошла, и я в пустыне»; «Улица, улица»; «Фабрика»; «Я шел во тьме к заботам и веселью». Во втором томе: «Бушует свежая весна»; «В огне и холоде тревог»; «Двойник» («Однажды в октябрьском тумане»); «Милый друг, и в этом тихом доме»; «Не спят, не помнят, не торгуют»; «Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь»; «Ночь, улица, фонарь, аптека...»; «Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянный»; «Поздней осенью из гавани»; «Россия» («Опять, как в годы золотые»); «Художник».

⁴² В разное мнение рецензентов слышится прежде всего отсутствие общепринятых критериев, школы поэтического перевода. Джон Пиллинг назвал попытку «остаться по возможности ближе к рифмам и ритмам оригинала» «ошибочным предпринятием» («P. N. Review», N 17, p. 51—52); Джеффри Григсон писал, что переводы «чересчур близки к банальности и беспомощности большинства переводов Блока» и что было бы лучше «отказаться от неумелой рифмы и размеров и переводить прозой» («A Poetic Grand Master?» — «Country Life», March 8, 1979). Были и более сдержанные оценки. С. Такель, например, надеялся, что переводы послужат стимулом для изучения русского языка: «Blok Notes». «The Listener», 12 April 1979. Е. Ламперт назвал переводы «адекватными, но не волнующими» («The Tablet», 28 April 1979) и Кирилл Фитцлайл писал об «отличных переводах неперевожимой поэзии Блока». Высказались недвусмысленно в пользу переводов Саймон Карлинский («Died and Survived». — «New York Times», May 9, 1982, p. 888); Сэм Драйвер (в рецензии на первый том в: «World Literature Today», Spring 1980); Майкл Ратклифф (в рецензии в газете: «The Times», November 25, 1979; и там же March 13, 1980), У. Диана, Л. Буржи в рецензии в «Slavic and East European Journal», March 1980; Джон Элсворт «Seeking harmony beyond the discord». — «The Times Higher Education Supplement», 18 June 1980; Джеймс Форсайт в рецензии в «Journal of Russian Studies», January 1980.

⁴³ A. Blok. The Twelve and other Poems. Tr. from the Russian by P. France and John Stallworthy «Eyre and Spottiswoode». London, 1970. Некоторые переводы, помещенные в этой книге, были изданы раньше в журналах: «The Cambridge Review», «The Critical Quarterly», «The London Magazine», «Solstice», «Spectator», «Sussex Poetry», в газетах: «Guardian» и «Times Literary Supplement». Два перевода («На небе зарево» и «Из плясок смерти») перешли в антологию «The Oxford Book of Verse in English Translation» (Ed. Charles Tomlinson. Oxford, 1980, p. 580—581).

⁴⁴ Cf.: P. France. Poets of Modern Russia.—«Cambridge Studies in Russian Literature». Cambridge University Press, Cambridge, 1982. «Aleksandr Blok», p. 31—54. Рец.: A n o n. «The Times Literary Supplement» 1389, 1970. См. также примеч. 47 к статье Кембалла, содержащей детальное рассмотрение принципов Франса и Столлуорти.

⁴⁵ А. П а й м а н. Об английских переводах стихотворений А. Блока.—«Международные связи русской литературы». М.-Л., Изд-во АН СССР, 1963, с. 417—433.

⁴⁶ R. K e m b a l l. The Scythians.—«Russian Review», April, 1955, p. 117; A. Miller. The Scythians.—«Stand», 8, N 3, 1966/1967, p. 20—22.

⁴⁷ R. K e m b a l l. Some Metrical Problems of Russian-English verse translation (with special reference to Blok and Akhmatova).—Schweizerische Beiträge zum VIII Internationalen Slavisten Kongress in Zagreb und Ljubljana, September 1978, Peter Lang, Bern-Frankfurt am Main—Las Vegas, p. 105—125. За статьей следуют переводы «Незнакомки»; «На железной дороге»; «Равенна»; «Венеция I»; «Та жизнь прошла».

⁴⁸ Другие переводы Кембалла рассеяны по журналам и даже отчасти по худож. статьям. Я перечисляю их здесь по алфавиту, так же как и переводы других авторов, сокращая названия журналов: «Russian Review» — R. R.; «Poetry Review» — P. R.; «Вспомнил я старую сказку» (R. R.,

1962, vol. XXI, N 2); «Вхожу я в темные храмы» (R. R., 1958, vol. XVII, N 1); «Девушка пела в церковном хоре» (P. R., 1955, vol. XLVI, N 1); «Есть игра: осторожно войти») в статье И. Елагина «Poe in Blok's Literary Heritage» (R. R., 1973, vol. XXXII, N 4); «К Музе» (R. R., 1959, vol. XVIII, N 4); «Как прощались, страстно клялись» (R. R., 1962, vol. XXI, N 2); «Мне страшно с Тобою встречаться» (R. R., 1958, vol. XVII, N 1); «На поле Куликовом» (R. R., 1954, vol. XIII, N 1); «Проклятый колокол» (в статье И. Елагина, R. R., 1973, vol. XXXII, N 4); «Осенний вечер был» (там же); «Отдых напрасен. Дорога крута»; (R. R., 1958, vol. XVII, N 1); «Поет, поет» (R. R., 1962, vol. XXI, N 2); «Предчувствую Тебя. Годы проходят мимо» (R. R., 1958, vol. XVII, N 1); «Приближается звук. И покорна шепчущему звуку» (R. R., 1959, vol. XVIII, N 4); «Сны» (там же); «Там в полумраке собора» (P. R., 1955, vol. XLVI, N 1); «Ты в поля отошла без возврата» (R. R., 1958, vol. XVII, N 1); «Ты отошла, и я в пустыне» (R. R., 1962, vol. XXI, N 2); «Уходит день. В пыли дорожной» (R. R., 1958, vol. XVII, N 1).

⁴⁹ A. Blok. Selected Poems. Tr. from the Russian by A. Miller, «Progress Publishers». Moscow, 1981. 327 p.

⁵⁰ S. K a r l i n s k y. Died and Survived.—«New York Times Book Review», May 9, 1982, p. 888.

⁵¹ В первую очередь я должна здесь упомянуть антологию еще двух переводчиков: Merrill Sparks and Vladimir Markov. Modern Russian Poetry—«Macgibbon and Kee». London, 1966 и Indianapolis, 1967. В предисловии В. Марков пишет, что поэзия Блока, по мнению его соавтора Спаркса, переоценена, и что, «несмотря на всю опьяняющую музыку», он понял сам, когда пытался объяснить стихи американскому поэту, не знающему русского языка, что Блок «внутренне мертв». Переведены следующие стихотворения: «Болотный попик»; «В ресторане»; «Девушка пела в церковном хоре»; «Гармоника, гармоника!»; «К Музе»; «Коршун»; «На поле Куликовом»; «Незнакомка»; «Ночь, улица, фонарь, аптека...»; «О доблестях, о подвигах, о славе»; «Под масками»; «Поэт»; «Ты можешь по траве зеленой»; «Ужасен холод вечеров»; «Унижение»; «Черный ворон в сумраке снежном»; «Я пригвожден к трактирной стойке». Методика перевода Спаркса и Маркова разбирается у Кембалла (см. примеч. 47) и есть рецензия Helen Muchnic («The Russian Review», vol. 27, N 2, April, 1968). Из сборников более скромных размеров три книги, изданные на средства переводчиков, заслуживают внимания: 1) «Poems by Alexander Blok, Nicolai Gumilev, Ilya Ehrenburg and Nina Berberova». Tr. from the Russian by Yakov Hornstein. Dorking, без даты (красивые, не свободные от «отсебятины» переводы четырех лирических стихотворений: «В лапах косматых и страшных»; «Поздней осенью из гавани»; «Свирель запела на мосту»; «Ты в комнате одна сидишь»); 2) «Lyrics from the Russian». Tr. by G. F. Cunningham with a preface and notes by Militza Greene, Edinburgh, 1961 (профессионально составленная книга с переводами: «Жизнь медленная шла, как старая гадалка»; «Мы встречались с тобой на закате»; «Ночь, улица, фонарь, аптека...»; «О доблестях, о подвигах, о славе»; «Я жду призыва, ищу ответа»); и 3) перевод одноактной пьесы Блока «Love, Poetry and Civil Service. A Comedy in one act». Tr. Fitzpatrick O'Dempsey. London, 1954. 20 p. Кстати, театр Блока переведен почти полностью, но разрозненно. Как мы видели, «Балаганчик» перевел Киш, но до этого пьеса появилась в «Slavonic and East European Review» (London) в переводе M. Kriger G. P. Struve (vol. XXVIII, 1950), и уже после выхода монографии Киша, в 70-е годы, Sergei Haskel сделал новый перевод для сцены (спектакль прошел с успехом в Оксфорде и в Эдинбурге во время фестиваля). Пьеса «Незнакомка» впервые появилась, как и другие пьесы Блока, в «Slavonic and East European Review»: «The Stranger». Tr. by M. Kriger (vol. XXVII, 1948); «The King in the Square». Tr. by O. J. O'Connor and by G. R. Noyes (vol. XII, 1934); «The Rose and the Cross». Tr. by I. E. Smith and G. R. Noyes (vol. XVI, 1938). Самый плодотворный переводчик стихов Блока после Столлуорти и Миллера—американец Eugene M. Kaydon. Переводы Кейдона были напечатаны в два приема в журнале «Colorado Quarterly»: «Ten Poems of Alexander Blok». Tr. by Eugene M. Kaydon (vol. XXI, N 3, Winter 1973) и «Thirty-one poems of Alexander Blok (1880—1921)» (vol. XXIII, N 3, Winter, 1975). Переведены следующие стихотворения: «Барка жизни встала»; «Было то в темных Карпатах»; «Возмездие» (отрывок); «Все это было, было, было»; «Голос из хора»; «Прешить бесстыдно...»; «Грустя и плача и смеясь»; «Демон»; «Дикий ветер»; «Друзьям»; «Есть времена, есть дни, когда»; «Забрененные лесом кручи»; «Здесь в сумерки в конце зимы»; «И я любил»; «Как тяжело ходить среди людей»; «Когда вы стоите на моем пути»; «Коршун»; «Милый друг, и в этом тихом доме»; «Мой милый, будь смелым»; «На поле Куликовом»; «Новая Америка»; «Поет, поет»; «Пляски смерти»; «Пушкинскому Дому»; «Рожденные в годы глухие»; «Россия» («Опять, как в годы золотые»); «Русь»; «Свирель запела на мосту»; «Сон»; «Сны»; «Старинные розы»; «Сын и мать»; «Ты говоришь, что я дремлю»; «Ты помнишь, в нашей бухте сонной»; «Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух»; «Успенье»; «Фабрика»; «Художник»; «Я вижу блеск, забытый мной». В сборнике «Modern Poetry Translation», 6 (ed. Ted Hughes and Daniel Weissbort. London, 1970)—пятнадцать стихотворений Блока в переводе Джеффри Мерли: «Ветер принес издалека»; «И вновь порывы юных лет»; «Как прощались, страстно клялись»; «Коршун»; «Май жестокий с белыми ночами»; «На перекрестке...»; «Она пришла с мороза»; «Петроградское небо мутилось дождем»; «Полный месяц встал над лугом»; «Пусть я и жил не любя»; «Пушкинскому Дому»; «Рожденные в годы глухие»; «Россия» («Опять, как в годы золотые»); «Свирель запела на мосту»; «Я ухо приложил к земле». Из сборников, специально посвященных «Серебряному веку», следует, вероятно, упомянуть еще одно издание, которое я не видела: L. B. Croft. Russian Symbolist Poetry: Verse Translations from the Silver Age, Temple, Arizona, 1976. Назову также: «The Silver Age of Russian Culture» (ed. by Carl Proffer and Ellendea Proffer, Ardis, Ann Arbor, 1971), где помещены следующие переводы: «Анне Ахматовой» (tr. Barbara Heldt Monter); «Как тяжело ходить среди людей» (tr. Gary Kern); «Незнакомка» (tr. George M. Young Junior); «Она пришла с заката» (tr. Gary Kern); «Соловьиный сад» (tr. Rodney L. Paterson); «Я коротаю жизнь мою» (Gary Kern); «Я сегодня не помню, что

было вчера» (tr. Barbara Heldt Monter). Здесь же и два перевода «Двенадцати», см. примеч. 52. Новый перевод «Коршуна», новой комбинацией переводчиков — Дэвид Макдаф и Джон Силкин — заставляет пожелать продолжения сотрудничества («Stand», Vol. 21, N 2, 8).

⁵² 1) C. Bechofer (с иллюстрациями М. Ларионова). — «The Twelve. Chatto and Windus». London, 1920, IX 26; 2) B. Deutsch and A. Yarmolinsky. — «The Twelve», New York, 1923. Также: Russian Poetry, «John Lane, Bodley Head Ltd.», London, 1923, p. 126—136; Russian Poetry, an Anthology, «Martin Lawrence Ltd.», New York, 1929, часть 3, p. 141—147; журнал «Slavonic and East European Review», vol. VIII, 1930, p. 183; A Treasury of Russian Verse, «Macmillan and Co.», New York, 1949, p. 1011—1024; 3) W. A. Coxwell in Poems from the Russian с предисловием D. S. Mirsky, «The C. W. Daniel Co.», London, 1929, p. 234—243; 4) G. Shelley. Modern Poems from the Russian, «George Allen and Unwin Ltd.», London, 1942; 5) H. Halshaw. A Treasury of Russian Literature. Tr. selected and edited by Bernard Guerne. «The Vanguard Press», New York, 1943; 6) G. Reavy and M. Slonim. Орывок в антологии «Soviet Literature Today», «Lindsay Drummond», London, 1946; 7) M. Bowra. A Second Book of Russian Verse, «Macmillan and Co. Ltd.», London, 1947, p. 76—81; 8) A. Miller. — журн. «Stand», Winter 1955—1956, 11. См. также: A. Blok. Selected Poems, Progress Publishers, Moscow, 1980; 9) Sir Cecil Kisch. Alexander Blok. Prophet of Revolution, «Weidenfeld and Nicolson», London, 1960, p. 142—152; 10) A. H. O. — журнал «Evergreen Review», New York, vol. V, N 19, 1961, July-August, p. 31—43; 11) E. Ritchie — журнал «Ann Arbor Review», Michigan, N 41, Summer, 1968; 12) R. Fulten. Blok's «Twelve». «Preston Akros Publications», 1968. 14 p.; 13) P. France and J. Stallworthy. The Twelve and Other Poems. «Harmondsworth Penguin Books in association with Eyre and Spottiswood», Penguin Modern European Poets N 166, 1974 (first edition, 1970); 14) A. Clifford. The Silver Age of Russian Culture, an anthology. Edited by Carl and Ellendea Proffer, Ann Arbor, Michigan, 1971, p. 90—112; 15) N. Templeton. Ibid., p. 91—113; 16) S. Guthrie-Smith — «Collected Poems». «John Calder», London, 1975. Первоначально вышло отдельным изданием; 17) S. Hackel. The Poet and the Revolution, Aleksandr Blok's «The Twelve». — «Clarendon Press», Oxford, 1975. 18) J. Lindsay. The Twelve and the Scythians. С иллюстрациями Ю. П. Анненкова. Послесловие Ю. Молока, 1981.

⁵³ См.: S. Jackson. Correspondence. — «Stand», N 9, 1954—1955, p. 16—18. Ответ Миллера см.: там же, p. 18—22.

⁵⁴ Насколько это нужно сделать, показывает разобщенность переводчиков. В 1976 г. появилось два новых перевода («О назначении поэта» в разных сборниках: A. Blok. On the Mission of the Poet. Tr. C. R. S. Cockrell in сборнике — «Russian Views of Pushkin. Ed. D. J. Richards, published by Williams A. Meeuws. Oxford, 1976; A. Blok. On the Mission of the Poet». Tr. by Carl Proffer. в сборнике «Modern Russian Poets on Poetry. Pasternak, Blok, Mandelstam, Tsvetaeva, Khodasevich, Gumilev. Selection and introduction by Joseph Brodsky, Ardis Ann Arbor, 1976 (Peц. Julian Graffy, The Slavonic and East European Review, vol. 56, N 1, January 1978). В сборнике A. Field. A Completion of Russian Literature. A Cento, Penguin Books, 1973, есть перевод критической статьи Блока о Сологубе, или, вернее, компиляция из разных высказываний первого о последнем.

⁵⁵ G. Calderon. The Russian stage. — «The Quarterly Review», N 432, London, 1912, 21—42 (см. p. 37—39); H. Williams. Russia of the Russians, Sir Isaac Pitman and Sons, London, 1914, 430 p. (см. главу «Literature», p. 178—227, 212—213). В «Литературной хронике» журнала «Russian Review» (ред. Bernard Pares, Maurice Baring, Samuel Harper) также содержится несколько упоминаний о Блоке: рецензия на «Ночные часы» Вячеслава Иванова в I томе, № 2, 1912, с. 142—143 и, в связи с выходом альманаха «Сирий», в III томе, № 2, 1914, с. 226. В III томе, № 1, 1914, с. 222, Блок упоминается как автор пьесы «Роза и Крест» («The Rosy Cross»).

⁵⁶ A. Blok. The Twelve. Tr. by C. Bechofer. illustrated by M. Larionov, Chatto and Windus, London, 1920, IX + 26. Translator's Preface; также: B. Deutsch and A. Yarmolinsky. B. W. Huebsch, New York, 1920, IV + 23. (Translator's preface); Anon. «New Tendencies in Russian thought». — «Times Literary Supplement», N 992. London, 20th January 1921, p. 33—34; C. E. Bechofer. Russian Literature today. — «Times Literary Supplement», N 1030. London, 13 October 1921, p. 661; C. E. Bechofer (Анонимная рецензия на его перевод «Двенадцати»: «Times Literary Supplement», N 904. London, 25th November, 1921, p. 782 и ответ Бехофера в той же газете (N 906, 9 December 1921, p. 839); также: Yu. Nikol'skiy. Two Poets of Bolshevism. — «Living Age», vol. 311, 19 November 1921, p. 384—386; G. Westcott. Alexander Blok. — «Poetry», Chicago, vol. XIX, December 1921, p. 149—151.

⁵⁷ Anon. New Tendencies in Russian Thought. — «Times Literary Supplement», N 992, London, 20 January 1921, p. 33—34.

⁵⁸ H. Williams. Op. cit.

⁵⁹ H. Williams. Obituary. — «The Slavonic Review», vol. I, N 1. London, 1922, p. 218—220.

⁶⁰ M. Baring. Introduction to the Oxford Book of Russian Verse. Oxford University Press, London, 1925, XII; p. 155—162, 297—298.

⁶¹ D. S. Mirsky. A Russian Letter, the Symbolists-II. — «The London Mercury», vol. 3, April 1921, London, p. 657—659; «Russian Literature since 1917», The Contemporary Review, August 1922. London, p. 208—209.

⁶² D. S. Mirsky. Modern Russian Literature. Oxford University Press, London, 1925, p. 107—108; Contemporary Russian Literature. G. Routledge and Sons, New York and London, 1926, p. 210—224; A History of Russian Literature. Edited and abridged by Francis J. Whitfield. Routledge and Kegan Paul Ltd., London, 1949, p. 453—463 and index.

⁶³ J. Lavrin. Alexander Blok. Life and Letters, vol. V. London, July-December, 1930, p. 167—178; «Alexander Blok», Aspects of Modernism from Wilde to Pirandello. Stanley Nott, London, 1935, p. 115—138.

- ⁶⁴ C. A. Manning. The Creed of Alexander Blok.—«The Slavonic Review», vol. V, N 12. London, 1926, p. 332—339; M. Bowra «The Position of Alexander Blok.—«The Criterion», N XLIV. London, April 1932, p. 422—438.
- ⁶⁵ См., например: D. S. von Mohrenschild. The Russian Symbolist Movement. Publications of the Modern Languages Association of America, N 4, 1938, p. 1193—1209.
- ⁶⁶ M. Bowra. The Position of Alexander Blok, The Criterion, N XLIV, London, April 1932, 422—438.
- ⁶⁷ J. B. Woodward (ed.). Selected Poems of Aleksandr Blok, Oxford University Press, Oxford, 1968, 186 p. (Peч. Times Literary Supplement, N 3491, 23 January 1969, 76; Driver S. The Slavic and East European Journal, vol. XIV, N 1, Spring 1970. A. Pyman (ред.). Alexander Blok. Selected Poems, Pergamon Press, Oxford, New York, Toronto, 1972 (Peч. Times Literary Supplement, N 3666, 2 June 1972, 641; R. Kemball The Russian Review, vol. 33, N 1, January, 1974; J. D. Elsworth. The Slavonic and East European Review N 126, vol. 52. London, January 1974; I. Zohrab. The New Zealand Slavonic Journal, N 2, 1974.
- ⁶⁸ A. Blok. The Twelve and Other Poems. Translated from the Russian by Jon Stallworthy and Peter France, Eyre and Spottiswoode, London, 1970. Peч. «Times Literary Supplement», N 3587, 27th November 1970, 1389; также: «New Society 6th February», 1975, p. 332—333; F. Grubb—«The Voice of Reality», Tribune, 25 December, 1970; R. Milner-Gulland.—«Guardian», 6 August, 1970; M. Smith. «Hibernia», 23 October, 1970; R. Holmes. «The Times», 1 August, 1970.
- ⁶⁹ R. T. Burgi. The Plays of Alexander Blok. Master's Thesis, typescript, Columbia University, USA, 1947, 82+5 p.; Horvat J. A. The Poetry of Alexander Blok, a Critical Analysis. Thesis for the degree of Ph. D. typescript. Cambridge, 1953, XX, 441, XVII p.; Vogel L. E. Blok and Italy. New York, 1968; F. M.-O. Beamish-Thiriet, D. White. The Figurative Language and the Fiction in the Poetry of Aleksandr Blok. Ph. D. dissertation University of Michigan, 1971, DAI 32/11: 6462. The Myth of Woman in Baudelaire and Blok. Washington, Seattle, 1973; D. White. The Figurative Language and the Fiction in the poetry of Aleksandr Blok. Michigan, 1971; I. E. Boulton. The Blue Rose Movement and Russian Symbolism. St. Andrews, 1972; A. G. Comings. From Lyricism to History: the Longer Poetic Form in Blok and Pasternak. Yale, 1973; M. E. Banjanin. The City Poetry of Baudelaire and Blok. Washington, St. Louis, 1970; S. H. Hoffman. Scythianism: a Cultural Vision in Revolutionary Russia, Columbia, 1975; H. Goldman. Shakespear's «Hamlet» in the Works of B. Pasternak and Other Modern Russian Poets (A. Blok. A. Akhmatova and M. Tsvetaeva). Ph. D. dissertation, Indiana University, 1975, DAI 36/02: 879a; V. Bennett. The Russian Tradition of nineteenth-century literary memoirs and Andrei Bely's «Vospominaniia o A. A. Bloke». A Arbor: University Microfilms International, 1979; D. Sloan. Aleksandr Blok's Lyric Cycle «Strashnyi Mir»: An interpretation Analysis. Ph. D. dissertation, Harvard University, 1979.
- ⁷⁰ Например: Anon. Romantic Poet of Russia, Times Literary Supplement, N 2841, 10th August, 1956, 474. Sochineniia v dvukh tomakh, ed. V. Orlov. Moscow, 1955.
- Нет необходимости перечислять здесь все труды по истории русской литературы, где речь идет о Блоке, но следует отметить две книги Бориса Томсона, содержащие документальные главы, специально посвященные творчеству Блока: B. Thomson. The Premature Revolution. Russian Literature and Society 1917—1946.—Weidenfeld and Nicolsen, 1972; ero же: Lot's Wife and the Venus of Milo.—C.U.P., Cambridge, 1978, p. 29—52.
- ⁷¹ G. Donchin. The Influence of French Symbolism on Russian Poetry, Mouton et Cie, Gravenhage, 1958 (см. индекс); O. Maslenikov. The Frenzied Poets: Andrei Bely and the Russian Symbolists. University of California Press, Berkeley and Los Angeles, 1952; J. West. Russian Symbolism. A Study of Viacheslav Ivanov and the Russian Symbolist aesthetic. Methuen and Co. Ltd., London, 1970 (см. индекс).
- ⁷² H. Munchnic. Alexander Blok From Gorky to Pasternak. Six Modern Russian Writers, Methuen, London, 1963, p. 104—184 and index; R. Poggioli. Aleksandr Blok. The Poets of Russia, 1890—1930. Harvard University Press, Cambridge (Mass.), 1960, 179—211 and index; C. A. Guershon. The Russian Genius: Alexander Blok. Russian Review, N 4, Penguin Books, London—New York, 1948; R. D. B. Thomson. Blok and the October revolution. Coexistence, v. 4, N 2, Oxford, July 1967, p. 221—228; G. Annenkov. The Poets and the Revolution—Blok, Mayakovsky, Essenin.—«The Russian Review», vol. 26, April, 1967, N 2, p. 129—143; H. Gifford. Pasternak and the «realism» of Blok. Oxford Slavonic Papers, vol. 13. Oxford, 1967, p. 96—106, Cambridge University Press.
- ⁷³ C. M. Bowra. Poetry and Politics 1900—1960. Cambridge, 1966, see index.
- ⁷⁴ Sir Cecil Kisch. Alexander Blok. Prophet of Revolution, Weidenfeld and Nicolson, London, 1960. F. D. Reeve. Aleksander Blok. Between Image and Idea. Columbia University Press, New York—London, 1962. R. Kemball. Alexander Blok. A study of rhythm and metre. Mouton et Cie, The Hague, 1964.
- ⁷⁵ M. Futrell.—«Survey», April—June, 1961, p. 169; A. Pyman.—«Slavonic and East European Review», vol. XXXIV, N 93, 1961, 525—527 and Cambridge Review, N 2006, 1961, 555—571; I. Arian. Modern Language Review, vol. 58, N 2, London, April, 1963, 306—307; E. Morgan. Blok and Tyutchev.—Anglo-Soviet Journal, vol. 22, N 1, London, 1961, 37—38; G. Phelps—Daily Telegraph and Morning Post, Friday, Dec. 2, 1960.
- ⁷⁶ F. D. Reeve. Aleksandr Blok. Between Image and Idea, Number 1 Columbia Studies in the Humanities. Edited under the auspices of the Faculty of Philosophy, Columbia University, Columbia University Press, New York and London, 1962, X, 268.
- ⁷⁷ Cf.: R. Kemball. Russian Review, vol. 22, N 2, Hanover, April, 1963, p. 203—205; H. Munchnic. Slavic Review, vol. XXII, N 3, Illinois, 1963, p. 602—603; G. Strove. Slavic and East European Journal, vol. VII, N 2, Madison, Summer 1963, p. 179—182.

⁷⁸ Rev. J. Bailey. *Slavic and East European Journal*, vol. II, N 1. Madison, 1967, p. 92—95; R. F. Gustafson. *Russian Review*, vol. 25, N 4, Hanover, October, 1966, p. 421—423; R. D. B. Thomson. *Slavonic and East European Review*, vol. 46, N 106, London, January 1968, p. 229—231.

⁷⁹ Например: G. Donchin. *Op. cit.*, p. 216—233; F. D. Reeve. *Op. cit.*, p. 251—260; R. Poggioli. *Op. cit.*, p. 345—367; R. K. Emball. *Op. cit.*, p. 487—496.

⁸⁰ A. Pyman. *Alexander Blok. Selected Poems*. Oxford, New York, Toronto, 1972, p. 305—358; M. Sendich. *Blok's The Twelve critical Interpretations of the Christ-Figure + bibliography, Symbolism*.—«*Russian Literary Triquarterly*», N 2, Fall, Ardis, Ann Arbor, 1972, p. 445—472.

⁸¹ G. Donchin. *Op. cit.*

⁸² W. Lednitski. *Blok's Polish Poem, Russia, Poland and the West*, Hutchinson & Co., London, 1954, p. 349—399.

⁸³ C. R. Lewitter. *The Inspiration and meaning of Alexander Blok's «The Rose and the Cross»*, *The Slavonic and East European Review*, vol. XXXV, N 85, London, 1957, p. 428—442; R. D. B. Thomson. *The non-literary sources of «Roza i Krest»*, *Slavonic and East European Review*, vol. 45, N 105, London, July 1967, p. 292—306.

⁸⁴ A. Pyman. *The Scythians, a Critical Note*, *Stand*, 8, N 3, Newcastle-on-Tyne, 1966—1967, p. 23—33.

⁸⁵ R. Abernathy. *A vowel fugue in Blok*. «*International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*», VII, 1963, Mouton et Cie, The Hague, p. 88—107; N. A. Nilsson. *Blok's «Vowel Fugue»*. A suggestion for a different interpretation. «*International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*» XI, Mouton, The Hague, 1968, p. 150—158.

⁸⁶ B. Christo. *Metrical innovations in Blok's Lyrical Verse*. «*Journal of the Australian Universities Language and Literature Association*», vol. 17, 1962, p. 44—52.

⁸⁷ V. Erlich. *The Marker and the Seer*. «*The Double Image. Concepts of the Poet in Slavic Literature*». J. Hopkins, Baltimore, Maryland, 1964, see index. Эта книга является расширенной редакцией «*Images of the poet and of poetry in Slavic Romanticism and Neo-Romanticism*», *American Contributions to the 5th International Congress of Slavists*, Sofia, 1963 (Preprint), Mouton et Cie, The Hague, 1963, p. 73—113.

⁸⁸ G. Putnam. *Aleksandr Blok and the Russian Intelligentsia*.—«*Slavic and East European Journal*», vol. 9, Wisconsin, 1965, p. 29—46.

⁸⁹ E. M. Thomson. *The Development of Aleksandr Blok as a dramatist*.—«*The Slavonic and East European Journal*», vol. XIV, N 3, Wisconsin, 1970, p. 341—351; M. L. Hoover. *A Meyerhold's Method?—Love for Three Oranges*.—«*Slavonic and East European Journal*», vol. XIII, N 1, Wisconsin, 1969, p. 23—41; G. Kalbours. *From Mystery to fantasy: An attempt to categorise the plays of the Russian Symbolists*.—«*Canadian Slavic Studies*» VIII, 4, Winter 1974, Montreal, p. 488—500; J. Symmons. *Meyerhold's Theatre of the Grotesque. The Post-Revolutionary Productions 1920—32*. Rivers Press, Cambridge, 1973 (для Блока). См. 28—30 и указатель, а также: E. Braun. *Meyerhold on Theatre (Translation with a critical commentary)*, Methuen, & Co. Ltd., London, 1969, для Блока—см. указатель.

⁹⁰ A. Vogel. *Blok in the Land of Dante*.—«*Russian review*», XXVI, N 3, New Hanover, 1967, p. 251—263; «*A Symbolist's Inferno: Blok and Dante*»—«*Russian Review*», XXIX, N 1, New Hanover, 1970, p. 38—1; *Masks and Doubles in Blok's early poetry*.—«*Russian Language Journal*» 30, 105, 1976, 60—76; *Alexander Blok: The Journey to Italy, with English translations of the Poems and Prose sketches on Italy*, Cornell University Press, Ithaca—London, 1973. (Пер.: C. J. G. Turner. *Canadian Slavic Papers*, 2, 1974, 317; A. Pyman. *Slavonic and East European Review*, IIV, N 4, London, 1976, 602—607).

⁹¹ J. Forsyth. *Listening to the Wind an introduction to Aleksandr Blok*, *Russian Literary Profiles*, Volume 6, Willem A. Meeuws, Oxford, 1977.

⁹² A. Pyman. *The Life of Aleksandr Blok. Volume I. The Distant Thunder. Oxford University Press, Oxford-London-New York, 1979; Volume II. The Release of Harmony 1908—1921, 1980.*

⁹³ О некоторых рецензиях уже упомянуто в примеч. 42 в связи с переводами. К ним можно прибавить в первую очередь ряд коротких заметок, подчеркивающих в основном роль книги в ознакомлении читателей с поэтом, который, как пишут в одном американском журнале, «был для поэзии тем, кем для музыки были Стравинский, Скрябин и Прокофьев», но которого знает, вероятно, «лишь маленькая доля одного процента американцев» (*Virginian Quarterly Review*, Winter, 1981). Краткие заметки появились в «*Choice*», July/August 1979 и October 1980, Chicago; в «*Book Review Digest*», January, 1981 (New York), *The Bookseller*, 4 August, 1979 (London); *The Library Journal*, 15 June 1979 (New York) и за подписью С. А. Johnson, «*British Book News*», June 1979 и August 1980 (London). О том, что такой рассказ может служить введением в творчество поэта (несмотря на невозможность передать в переводе величие поэзии) писал Geoffrey Grigson—«*Guardian*», 11 December, 1980, и в рецензии на второй том в журнале: *Country Life*, April 17, 1980, 1215—1216. Более пространственные рецензии писали: Г. Дончин.—«*The Modern Language Review*», April, 1980, 477—479 и April, 1981, p. 511—512; Julian Grafy, «*The Slavonic and East European Review*», 1980, p. 586—588; Bernice Glazier-Rozenthal, «*Slavic Review*», September, 1980; Gordon MacVaugh.—«*The Journal of European Studies*», vol. XI, 1981, p. 230—232; Robin K. Emball, «*The Contemporary Review*», February, 1981; «*Russian Review*», vol. 40, N 3, July, 1981. Из рецензий-эссе следует упомянуть: D. J. Enright, *Listen to the Revolution*—«*Sunday Times*», April 6, 1980; Alex de Jonge. *Poet's lost Innocence*—«*The Sunday Telegraph*», February 11, 1979 и «*Kalidoscope*»—«*The Spectator*», 21 June, 1980; Robin Milner-Gulland. *Mystic and Modern*,—«*Guardian*», 1 February 1979 и «*Blokbuster*», там же March 27, 1980; John Bailey. *The*

Fatal Emptiness—«New Statesman», 16 February 1979, p. 219—220 и «The Russian Sound»—там же 21 March 1980, p. 439; A no n. Tragic Tenor,—«The Economist», February 17, 1979 и «The Music of Time»—«The Economist», March 22—28, 1980; D. M. T h o m a s. Tragic Tenor—«Quarto», April, 1980; Colin Morgan. The poet as hero,—«Stand», vol. 22, N 2, p. 16—17; Henry Gifford. A Witness between two World—«Times Literary Supplement», March 14, 1980, p. 283—284; T. J. B i n y o n. Alexander Blok's Beautiful Lady.—«London Review of Books», August 20 August, 1980, p. 21—22; Peter France. In the Hell of Art—«The New Review of Books», May 28, 1921, p. 49—52; Victor E r l i c h. The Life of Blok.—«The Yale Review», Fall, 1920, p. 143—149.

⁹⁴ C. P. S n o w. Financial Times, Jan. 27, 1979 и March 22, 1980.

⁹⁵ A. P y m a n. Aleksandr Blok.—«The Literary Review», February, 1982, p. 33—34.

⁹⁶ Например: Bedford C. H. The Seeker. D. S. Merezhkovsky. University Press of Kansas, 1975; T. P a c h m u s s. Zinaida Hippisus, an intellectual Profile, Southern Illinois University Press, 1971; J. West. Op. cit. (On Russian Symbolism and Vyacheslav Ivanov); B. G. R o s e n t h a l. D. S. Merezhkovsky and the Silver Age: The Development of a Revolutionary Mentality, The Hague, 1975; J. D. E l s w o r t h. Andrey Bely, Bradda Books, Letchworth, 1972; R. P o g g i o l i. Rozanov. Studies in Modern European Thought, Bowes & Bowes, London, 1962; G. M c V a y. Esenin. A Life, Ardis, Ann Arbor, 1976; F. d e G r a a f. Sergey Esenin. A biographical Sketch, Mouton et Co., The Hague, 1966; C. B r o w n. Mandelstam. Cambridge University Press, London and New York, 1973; A. H a i g h t. Anna Akhmatova. A Poetic Pilgrimage. Oxford University Press, New York and London, 1976; Sharon L e c t o r. Akhmatova's Petersburg, Pennsylvania University Press, 1983; L. I. S t r a k h o v s k y. The Silver Age of Russian Poetry: Symbolism and Acmeism—«Canadian Slavonic Review», IV, 1959, p. 67—87; J. M. C o h e n. The Vision of the Apocalypse—«Poetry of this Age 1908—1958», London, Hutchinson & Co., 1969, p. 87—96; E. S t e n b o k - F e r m o r. Russian Literature from 1890 to 1917 in Russia Enters the Twentieth Century 1894—1917 (ed. Oberlander E.), Temple Smith, London, 1971; K. P o m o r s k a. Russian Formalist Theory and its Poetic Ambiance, Mouton, The Hague (Paris, 1968; Proffer C. and E. (ред.). The Silver Age of Russian Culture, Ardis, Ann Arbor, 1971, and Symbolism (Special number of the Russian Literary Triquarterly for Fall 1972); H. T. M o o r e and A. P a r r y. Twentieth Century Russian Literature, Carbondale. Southern. Illinois University Press, 1974; J. D. E l s w o r t h. «Andrei Bely's Theory of Symbolism», Forum for Modern Language Studies, May, 1975, p. 305—333. Интерес к Белому разных авторов завершается изданием трех книг: V. C h r i s t a (ed.) Andrey Bely Centenary Papers. Amsterdam, 1980; A. S t e i n b e r g. Word and Music in the novels of Andrey Bely. C. U. P., Cambridge, 1982; J. E l s w o r t h. Andrei Bely; a critical study of the novels, Cambridge Studies of Russian Literature, Cambridge University Press, Cambridge, 1983. Более общего характера—сборники: C. J. V a r n e s. Studies in Twentieth Century Russian Literature (Five Essays)/Scottish Academic Press, Edinburgh and New York, 1975; G. G i b i a n and H. W. T j a l s m a. Russian Modernism. Culture and the Avant-Garde, 1900—1930 (Cornell University Press. Ithaca and London, 1976); см. также две статьи, рассматривающие журналы того времени: J. B o w l t. The World of Art «The Silver Age of Russian Culture», p. 397—432; D. M i c z k i e w i c z. Apollo and Modernist Poetics. Там же, p. 360—396. О «серебряном веке» опубликованы следующие статьи: V. S e t c h k a r e v. From the Golden to the Silver Age 1820—1917—«Robert Auty and Dimitry Obolensky. An Introduction to Russian Language and Literature», Cambridge University Press, Cambridge, 1977; H. G i f f o r d. The Use of Poetry in Twentieth Century Russia, P. N. Review 3, vol. 4, 1977, 4—6; Evelyn B r i s t o l. «Idealism and Decadence in Russian Symbolist Poetry», Slavic Review, American quarterly of Soviet and East European Studies, vol. 39, N 2, July 1, Urbana, Champaign, 1980, p. 269—280; John A. B a m s t e a d. Mikhail Kuzmin's «On Beautiful Clarity» and Vyacheslav Ivanov: A reconsideration. Canadian Slavonic Papers, vol. XXIII, N 1, March, 1982 (О кризисе символизма). Во всех этих статьях имеются ссылки на Блока.

⁹⁷ V. Terras рецензирует публикации «Slavische Propylaen» мемуаров «Эпопея» (vol. 47. München, 1969) и переписку Блока с Белым (vol. 65. München, 1969). In «The Slavic and East European Journal», vol. XV, N 1, Madison, Spring, 1971, p. 123—124. Публикации Брайда Букс Воспоминаний Белого «Записки мечтателей» (Letchworth, 1964) предпослано предисловие Г. Дончина на английском языке, и эта публикация была рецензирована М. Клименко: в «The Slavic and East European Journal», vol. X, N 1, 105. Также см.: V. V e n n e t t. The Russian Tradition of Nineteenth Century Literary Memoirs and Andrei Bely's «Vospominania o A. A. Bloke»; Ann A r b o r. University Microfilm International, 1979.

⁹⁸ E. Z a m y a t i n. Alexander Blok. Tr. M. Ginsberg, A Soviet Heretic. Essays by Evgeniy Zamyatin. University of Chicago Press, Chicago and London, 1907, p. 205—216; V. Z h i r m u n s k y. Introduction to Metrics. The Theory of Verse. Tr. by C. F. Brown, ed. and intro. E. Stankiewicz and Vickery W. N. Mouton and Co. The Hague, 1966; Two Tendencies of Contemporary Lyric Poetry. Tr. by J. Glad it The Silver Age of Russian Culture, ed. C. and E. Proffer, Ardis, Ann Arbor, 1971, p. 60—66; The Passion of Aleksandr Blok. In The Collection Twentieth Century Russian Literary Criticism, ed. V. Erlich, Yale University Press, New Haven and London, 117—139; O. M a n d e l s t a m. Storm and Stress. Tr. C. Brown in The Silver Age of Russian Culture, p. 66—74; And trans. S. Monas in O. Mandelstam, Selected Essays, Dan Danciger Publication series, University of Texas Press, 1977 (для Блока см. указатель). N. G u m i l e v. On Russian Poetry, ed. and trans. David Lapeza, «Ardis», Ann Arbor, 1977. См. содержание и, в частности, гумилевскую рецензию на Собрание стихотворений в трех томах Блока (Москва «Мусaget», с. 117—119). Коллеги обратили мое внимание на выход еще одной антологии русской критики в переводе: Ron P e t e r s o n (ed./Планз), The Russian Symbolists. An Anthology of Critical and Theoretical Writings. Michigan, 1983.

⁹⁹ G. D o n c h i n.—«The Slavonic and East European Review», vol. LVI, N 1 (London), 1978, 101—102 (on The Silver Age of Russian Literature) and J. G r a a f y.—«The Slavonic and East

European Review», vol. VI, N 1, London, 1978, 153—154 (on Modern Russian Poets on Poetry, selection and introduction by J. Brodsky, ed. C. Proffer, «Ardis», Ann Arbor, 1976).

¹⁰⁰ E. Lucy Vogel. Blok: an anthology of essays and. Ed. and trans. by L. Vogel. «Ardis», Ann Arbor, 1982; K. Chukovskiy. Alexander Blok as Man and Poet. Ed. tr. Diana Burgin and K. O'Connor, — «Reviewed in The Slavonic and East European Journal», N 4, vol. 27, Winter 1983, p. 490—492.

¹⁰¹ См. примеч. 50.

¹⁰² Y. Elagin. Poe in Blok's literary heritage, — «Russian Review», XXXII, N 4, October 1973, p. 403—412.

¹⁰³ J. D. Grosman. Edgar Allen Poe in Russie. A Study in Legend and Literary Influence, Colloquium Slavicum, Beiträge zur Slavistik, Band 3, Jal-Verlag, Würzburg, 1973, 7 (см. также индекс).

¹⁰⁴ C. Rougle. Three Russians consider America. America in the works of Maksim Gorky, Aleksandr Blok and Vladimir Majakovsky. — «Acta Universitatis Stokholmiensis, Stockholm Studies in Russian Literature», 8, Stockholm, 1976, p. 59—96.

¹⁰⁵ E. K. Kostka. Blok, Schiller and the Bolshevik Revolution. In «Review de Littérature comparée», vol. XLI, N 3, Paris, 1967, p. 478; V. Dukas. Comparative Literature, vol. XIX, N 1, Oregon, Winter, 1967, p. 91—94.

¹⁰⁶ J. D. West. Neo-Romanticism in Russian Symbolist aesthetics. — «Slavonic and East European Review», vol. II, N 124, London, p. 413—427.

¹⁰⁷ R. Byrns. Novalis and Blok and the Romantic Tradition. — «Germano-Slavica», 2, II, 1976, 55—65.

¹⁰⁸ R. Hughes. Nothing. The Cassia flower and the «Spirit of Music» in the Poetry of A. Blok. — «Californian Slavic Studies», vol. VI, University of California, 1971, p. 49—60.

¹⁰⁹ J. Forsyth. Prophets and Supermen: «German» ideological influences on Alexander Blok's poetry — «Forum for Modern Language Studies», vol. 13, N 1, St. Andrews, January 1977, p. 33—46.

¹¹⁰ E. Rome. Hamlet. A Window on Russia. New York University Press, New York, 1976; R. Byrns. «Alexander Blok and Hamlet» Canadian Slavonic Papers, vol. XVIII, N 1, March, 1976, p. 58—65; W. N. Vickery. Hamlet and Don Juan in Blok: «Sagi Komandora». — «International Journal of Slavic Linguistics and Poetics», XXV/XXVI, 1982. Studies for Edward Stankiewicz on his 60 Birthday, 17 November 1980, Slavica Publishers, Inc., Columbus, Ohio, p. 465—476.

¹¹¹ C. D. Cioran. Vladimir Solov'ev and the Knighthood of the Divine Sophia. Winifred Laurier University Press, Waterloo, Ontario, 1977: «The Apocalyptic Symbolism of Andrei Belyi», Mouton, The Hague-Paris, 1973; Rev. J. D. Elsworth. Slavonic and East European Review. London, April 1975, p. 296—298; B. Thomson. Times Literary Supplement, 16 May 1975, 540.

¹¹² S. D. Cioran. Vladimir Solov'ev and the Divine Feminine. «Russian Literary Triquarterly», N 4, Fall 1972, Michigan 1972, p. 219—239; S. D. Cioran. «The Affair of Anna N. Schmidt and Vladimir Solov'ev», Canadian Slavonic Papers, vol. XVI, N 1, 1974, p. 39—61; «In the Symbolists' Garden: An introduction to literary horticulture», Canadian Slavonic Papers, vol. XVII, N 10, 1975, p. 106—126. Ср. также: A. Chernenko. The Affair of Anna N. Schmidt and Vladimir Solov'ev, — «Canadian Slavonic Papers», vol. XVII, N 1, 1975.

¹¹³ Rose Glätzer Rozenhal. Eschatology and the appeal of Revolution: Merezhkovsky, Bely, Blok. — «California Slavic Studies» II, 1980, p. 105—139.

¹¹⁴ На юбилейной научной конференции к 100-летию Александра Блока в университете Чапел Хилл в Северной Каролине было два доклада на эту тему: Анна Лисе Стоне. Blok as Don Juan in Anna Akhmatova's Poema bez geroya (не вошел в опубликованные материалы конференции) и Sam Driver. Akhmatova's Poema bez geroya и Blok's Vozmezdie (опубликовано в книге: «Aleksandr Blok Centennial Conference» в 1984 году. (см. примеч. 142).

¹¹⁵ О Блоке и Мандельштаме см. статью: I. Wainwright. Poetry and Revolution: Aleksandr Blok and Osip Mandel'shtam. — «Agenda», 12, 1975, p. 53—64 и Anna Lise Stone. Blok's «Venecija» and Molnii iskusstva as Inspiration to Mandelstam: Parallels in the Italian Materials. — Aleksandr Blok centennial Conference, p. 73—88. Подтекст Блока исследуется в работах о Мандельштаме школы Кирилла Тарановского: диссертации и статьи Omry Ronen и Steve Broycle.

¹¹⁶ J. Valey. The fatal Emptiness — «New Statesman», 16 February 1979, vol. 97, N 2, p. 500.

¹¹⁷ В. Н. Топоров. Ахматова и Блок. Modern Russian Literature and Culture. Studies and texts, Volume 5, Berkely Slavic Specialities, Berkely, 1981, 202 p.

¹¹⁸ Rev. R. D. V. Thomson. «Canadian Slavonic Papers», June 1983, vol. XXV, N 7, p. 377—378; J. Gruffy. «Slavonic and East European Review», vol. 62, N 2, April, 1984, p. 266—271. Книга также послужила основой для двух докладов на конференции группы Британской университетской Ассоциации славистов по изучению литературы XX в., посвященной символизму и акмеизму в Оксфорде в 1982 г.: мой доклад «Critical attitudes to Symbolism and Acmeism in the light of the Blok Centenary» и доклад Ишии Тлюсти «The poetic relations between Blok and Akhmatova and Blok's role in Akhmatova's Poems bez geroya».

¹¹⁹ R. Abernathy. Op. cit.; N. A. Nilsson. Op. cit.; K. Taranovskiy. «The sound texture of Russian Verse in the light of phonemic distinctive features». Idem. vol. IX, 1965, p. 114—124; см. также: «Certain Aspects of Blok's symbolism», Studies in Slavic Linguistics and Poetics in Honour of Boris O. Unbegaun. Ed. R. Magidoff et al. New York University Press/University of London Press, New York-London, 1968, p. 249—266; на русском: «Зеленые звезды и поющие воды в лирике Блока» (Russian Literature), vol. 8, N V for 1980, p. 363—376; С. Е. Feinberg. The Poem as such: three lyrics by Blok — «International Journal of Slavic Linguistics and Poetics», vol. XXII, 1976, p. 117—130).

- ¹²⁰ J. Bailey. Blok and Heine: an episode from the History of Russian Dol'niki.—«Slavonic and East European Journal», vol. XIII, N 1, Wisconsin, 1964, p. 1—22; J. B. Woodward. Rhythmic modulations in the dol'nik Trimeter of Blok, idem. vol. XII, N 3, Wisconsin, 1968, p. 297—310.
- ¹²¹ Katherine T. O'Connor. Time and colour in Blok's «Stikhi o prekrasnoy Dame»,—«Studies Presented to Professor Roman Jakobson by his Students», Slavica Publishers Inc., Cambridge, Mass., 1968, p. 233—245.
- ¹²² G. Pirog. Aleksandr Blok's. Итальянские стихи Confrontation and Disillusionment, Slavica Publishers, Inc., Columbus, 1983. 203 p.
- ¹²³ Книга Пирога (см. 122) написана на основе диссертации «Aleksandr Blok's Italian Poems»: A Study of Compositional Form, Yale University, 1975, DA 1 36/12: 104. Публикации на темы, близкие к отдельным главам книги: «The City, the Woman, the Madonna: Metamorphic Inference in Blok's «Italianskie Stikhi», Forum at Iowa on Russian Literature, vol. 2, 1977, p. 71—86; «Blok's „Blagoveshchenie“: A Study in Iconological Transformation», Russian Literature 7 (1979), p. 491—520; «Blok's „Italianskie Stikhi“ and the Painting of the Italian Renaissance», Russian Language Journal 1 (1980), p. 101—108; «The Language of love and the limits of language» in the Proceeding of the Aleksandr Blok Research Conference 3—5 April 1980, Chapel Hill, University of North Carolina, published by Slavica Publishers, Inc., Columbus, Ohio, 1984; Blok's «Ravenna»: The City as Sign, Russian Literature, 1980, p. 297—312.
- ¹²⁴ Jan van der Eng. Aspects of Poetic Communication: Time and Space in Four Poems by A. Blok.—«Russian Literature», 1980, N 8, p. 377—402.
- ¹²⁵ I. Masing. A. Blok's «The Snow-Mask». An interpretation. Stockholm Slavic Studies, N 4, 1970 (Ред.: Т. E. Bird. Canadian Slavonic Papers, vol. XVII, N 1, 1975, p. 182—183. A. Vogel. Slavic and East European Journal, vol. XVI, N 4, 1983, p. 459—461; E. A. Warner. Journal of Russian Studies, N 29, 1975, p. 51—52).
- ¹²⁶ I. Masing-Delic. The Mask Motif in A. Blok's Poetry.—«Russian Literature», N 5, Hague-Paris, 1973, p. 79—101; Limitation and Pain in Bryusov's and Blok's Poetry.—Slavic and East European Journal, vol. XIX, N 4, 1975, p. 388—402; Three poems about two meetings.—«Russian Literature», N 9, The Hague-Paris, 1975, p. 37—54.
- ¹²⁷ D. La Ferrière. Splitting of the Ego and non-uniform Deixis of the First Person singular pronoun in Alexander Blok's «Neznakomka».—Working Papers of the Russian School, N 1, Norwich University, Vermont, 1976, p. 1—16; «Russian Poems. Exercises in a Theory of Poetry. Getting to know Blok's „Unknown Woman“». «Studies in Slavic and East European civilization, Transworld Publishers, Englewood», New Jersey, 1977, p. 102—116.
- ¹²⁸ G. Schoolbraud. Blok's «Neznakomka». A Note.—«Russian Language Journal», 89, 1970, p. 22—32.
- ¹²⁹ J. B. O'Connell. Aleksandr Blok: The poem «The Unknown Lady».—«Texas Studies in Literature and Language». Special Russian Issue, vol. XVII, 1975, p. 349—356.
- ¹³⁰ R. Burns. The artistic world of Vrubel and Blok.—«Slavic and East European Journal», N 1, 1979, p. 38—50.
- ¹³¹ J. West. The Poetic Landscape of the Russian Symbolists.—«Studies in Twentieth Century Russian Literature». Ed. C. J. Barnes. Scottish Academic Press, Edinburgh and London, 1976, p. 1—16.
- ¹³² Устное сообщение. В «Research Work in Progress 1977» тема доклада М. Г. Граффи: «Attitudes to Russian national tradition in the first years of this century with particular reference to Blok and Khlebnikov», хотя впоследствии это название было заменено на «The Poetics of Blok».
- ¹³³ J. Bailey. A Petrograd Apocalypse.—«Times Literary Supplement», N 3855, January 1976, p. 130.
- ¹³⁴ M. Sendich. Op. cit. Переиздано с дополнениями в «Ten Russian Bibliographies» (ред. Fred Moody). Ann Arbor: Ardis, 1977.
- ¹³⁵ См.: А. Руман. Slavonic and East European Review, vol. LIV, N 4, London, October, 1976, p. 602—607. Обзор новой к этому времени литературы о Блоке, в частности переиздание переписки Н. Бердяева с П. Флоренским о «Двенадцати».
- ¹³⁶ F. Flamant. Le Christ du Poète Blok.—«Cahiers de linguistique, d'orientalisme et de slavistique»,—«SOAS», Août-décembre, 1974, p. 55—70.
- ¹³⁷ Irene Masing-Delic. The Salvation Mode of Blok's The Twelve.—«SEEJ», vol. 24, N 2, Summer 1980, p. 118—132 и «Zhivago's „Christmas Star“ as homage to Blok», Aleksandr Blok Centennial Conference, Slavica Publishers Inc., Columbus, Ohio, 1984, p. 207—224.
- ¹³⁸ S. Hackel. The Poet and the Revolution. Aleksandr Blok's «The Twelve», Oxford University Press, London-New York, 1975. Ред. J. Bailey. Op. cit.; Lucy E. Vogel.—Slavic and East European Journal, vol. XXI, N 1, 1977, p. 128—131; J. Bailey.—Times Literary Supplement, N 3855, January 1976, p. 130; T. J. Binyan.—Modern Language Review, April, 1977, p. 510—511; J. D. Elsworth.—Journal of European Studies, 1977, p. 299—300; P. U. Miller, Canadian Slavonic Papers, XVIII, N 4, December, 1976, p. 481—482; B. Thomson. Slavonic and East European Review, vol. LV, N 1, January, 1977, p. 103—105.
- ¹³⁹ Dietrich Wörn. Aleksandr Blok's Drama «Pesnja sud'by» (Das Lied des Schicksals), übersetzt, kommentiert und interpretiert. Slawistische Beitrag, Band 81, Verlag Otto Sanger, München, 1974.
- ¹⁴⁰ G. Ivask. Russian Modernist Poets and Mystic Sectarrians.—In: «Russian Modernism: Culture and the Avant-Carde 1900—1930». Ed. George Gibian and H. W. Tjalsma, Cornell Univ. Press, Ithaca and London, p. 88—100.
- ¹⁴¹ C. V. Ponomareff. Aleksandr Blok's The Twelve. A new interpretation.—«Canadian Slavonic Papers», vol. XIV, N 3, Autumn 1972, p. 465—488.

¹⁴² «Aleksandr Blok Centennial Conference». Editor Walter N. Vickery. Associate editor Bogdan B. Sagatov, Slavica Publishers, Inc., Columbus, Ohio, 1984, p. 403. Содержание следующее: Introduction (7) Avril Pymаn. Aleksandr Blok: The Tragedy of the Two Truths (guest lecture), p. 9—23; Robert Abernathy. The Lonely Vision of Alexander Blok (Blok's Vowel Fugue Revisited), p. 25—40 (ср. примеч. 85); Henryk Вагап. Some Reminiscences in Blok: Vampirism and its Antecedents, p. 43—60; John E. B owl. Here and There: The Question of Space in Blok's Poetry, p. 61—71; Anna Lisa Сrone. Blok's «Venecija» and Molnii iskusstva as Inspiration to Mandelstam: Parallels in the Italian Materials, p. 73—88; Sam Driver. Akhmatova's Poema bez geroja and Blok's Vozmezdje, p. 89—99; Thomas Eekman. The Evolution of Blok's Poetical Syntax, p. 101—112; Efim Etkind. «Кармен» Александра Блока: Лирическая поэма как антироман, с. 113—39; Laurence E. Feinberg. Of Two Minds: Linear vs. Non-Linear in Blok, p. 141—158; Joan Delaney Grossman. Blok, Brjusov, and the Prekrasnaja Dama, p. 159—177; Emily Klenin. «O doblestjah, o podvigah, o slave...» and its Status in the cycle Vozmezdje, p. 179—199; Andrej Kodjak. Aleksandr Blok's Circular Structure, p. 201—205; Irene Masing-Delic. Zivago's «Christmas Star» as a Homage to Blok, p. 207—223; Gerald Pirog. The Language of Love and the Limits of Language, p. 225—236; Avril Pymаn. Aleksandr Blok and the Merezkovskijs (New materials and general survey), p. 237—240; Bogdan B. Sagatov. Blok's Nosnaja Fialka: The Self Through Dream, p. 271—285; Marena Senderovich. Независимый атрибут, или Contradictio in adjecto, в Книге Второй Блока, с. 287—303; Saveliy Senderovich. Семиотический радикал блоковской семантики, с. 305—319; David Sloane. The Cyclical Dynamics of Blok's Zizn' moego prijatelja, с. 321—344; Eduard Stankiewicz. The Polyphonic structure of Blok's, Dvenadcat, p. 343—345; Walter N. Vickery. Blok's Solov'inyi sad: The Stuff of Tragedy, p. 357—377; Lucy Vogel. The Poet's Wife: Ljubov' Dmitrievna Mendeleeva, p. 379—403.